

ИВАН ШВЕЦ-
КОМСОРГ
ИЗ КИЕВА

№ 12 июнь 1972

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СМЕНА

ГОРОДУ ЮНОСТИ —
СОРОК ЛЕТ

РАВНЕНИЕ НА КОМСОМОЛЬСК

Один из самых романтичных городов нашей страны называют Комсомольск-на-Амуре. Время не только не расквасило историческую дымку, что с первых дней окутывала этот город, но делает ее все более осязаемой.

Сюда на живописный берег Амура, вы видите перед собой камень-великан, на котором высечена короткая, но так много говорящая надпись: «Здесь 10 мая 1932 года высадились первые комсомольцы-строители города». «Здесь» — это камень с надписями, — заглянул в своей книге один из комсомольцев, — звали русских богатырей к счастью, удаче. Это камень тоже зовут к счастью. Только это счастье завоевывается не мечом, а добросовестным и творческим трудом. Именно в таком труде нашли счастье первооткрыватели города юности.

Минуло сорок лет с того дня, когда они пришли на глухой и дикий берег Амура. Единым фронтом посланцы Российской Федерации, Украины, Белоруссии и других братских республик Советского Союза повели наступление на тайгу.

За сорок лет Комсомольск вырос в крупный промышленный и культурный центр на Дальнем Востоке. За выдающиеся успехи город награжден орденом Ленина. Один из его индустриальных гигантов — «Амурсталь», вступивший в строй в военном сорок втором году, производит ныне средний и тонкий стальной лист, кровельное железо, белую жезь для рыбоконсервной промышленности Дальнего Востока, сортовой прокат и многие марки специальной стали. Другой крупнейший завод — судостроительный — сооружает ледоколы, которые бороздят воды Ледовитого, Тихого, Атлантического океанов, ведут по Северному морскому пути караваны судов. Третий гигант — «Амурлиташ» — выпускает уникальные литейные машины, успешно конкурирующие на мировом рынке с американскими и западногерманскими. Комсомольск посылает во все концы страны мощные башенные краны, перерабатывает нефть, производит строительные материалы. Промышленная продукция города юности идет во все союзные республики и многие зарубежные страны.

Сегодняшний Комсомольск с его населением более четверти миллиона человек — это 500 просветов и улиц, десятки школ и профтехучилищ, политехнический и педагогический институты, 18 Дворцов культуры и клубов, 128 библиотек, драматический театр, народный оперный театр, Дворец молодежи, подаренный городу Центральным Комитетом ВЛКСМ, краеведческий и художественный музеи.

Рядом с Комсомольском выросли его младшие братья: Белоглазненский Амурск с гигантским целлюлозно-картонным комбинатом и растущим цехам машиностроительного завода и город Солнечный, дающий стране самое дешевое оплово.

К юбилею Комсомольска-на-Амуре издательство «Молодая гвардия» выпускает большую, богато иллюстрированную книгу «Город на заре», составленную из интереснейших документов первых, самых трудных лет строительства города комсомольской славы, воспоминаний его первооткрывателей, очерков побывавших здесь писателей и журналистов, стихов, песен и отрывков из художественных произведений, воспевающих подвиг юности.

Публикуем некоторые материалы из этой книги, подготовленной одним из ветеранов Комсомольска, бывшим редактором городской газеты Савелием Александровичем Савельевым.

«Пермское — селение Приморской обл., Софийского округа, на левом берегу Амура, в 352,5 верстах ниже Хабаровки и 266 выше Софийска, основано персепелцами Пермской губернии в 1850 году; в 1853 году в нем числилось: часовня во имя св. прор. Ильи, дворов 26 и жителей 78 муж. и 82 жен. пог. часовня и жители: заготовка дров для пароходов, почтовая гоньба, рыбный промысел и в незначительных размерах земледелие, развитием которого препятствует недостаток для сельского хозяйства земель.»

(Из географо-статистического словаря Амурской и Приморской областей, составленного преподавателем Благовещенской мужской гимназии Александром Кирилловым).

ПРИКАЗ

начальника строительства «Дальпротстрой»

с. Пермское

№ 1

10 мая 1932 г.

Сегодня из Хабаровска пароходами «Колумб», «Коминтерн», «Капра Цеткери» в с. Пермское на строительную площадку Амурского судостроительного завода прибыл первый шедон рабочих, инженерно-технических работников и служащих треста «Дальпротстрой» для организации первоочередных работ по освоению строительной площадки.

ПРИКАЗЫВАЮ:

§ 1

а) обеспечить всех прибывших рабочих, ИТР и служащих жильем, для чего использовать жильные и извозные постройки села, включая и чердачные помещения, а также соорудить палаточный городок на 2000 мест.

б) организовать двухразовое горячее питание, для чего приспособить 5 армейских походных кухонь;

в) оборудовать временное рабочее помещение для административно-технического персонала управления строительства.

Ю МАЯ 1932
ВЫСАДИЛИСЬ
ПЕРВЫЕ КОМСОМЛЬСКИЕ
СТРОИТЕЛИ ГОРОДА

**В ПАМЯТЬ О ПЕРВОСТРОИТЕЛЯХ...
С ТАКИХ ПОСТРОЕК НАЧИНАЛСЯ ГОРОД.**

СЕГОДНЯШНИЙ КОМСОМЛЬСК-НА-АМУРЕ.

§ 2

Главному инженеру т. Марченко совместно с начальником отдела кадров и руководителями строительных участков сегодня к 22 часам предоставить мне на утверждение план производства первоочередных работ на XVI месяц по сезону и в раскочке промышленной зоны в районе X—XVI кварталов с прорубкой первой генеральной просеки, связывающей район села с Большим Силинским озером.

Для исполнения этих работ использовать весь личный состав рабочих, ИТР и служащих, прибывших на строительную площадку.

§ 3

Призываю всех работников строительства соблюдать дисциплину, организованность, выполнять указания и задания своих руководителей. Стоящие перед нами задачи освоения глухой амурской тайги являются нелегкими, и я выражаю уверенность, что наш славный молодежный коллектив оправдает доверие Центрального Комитета ВКП(б) и Советского правительства, с честью выполнит возложенную на него задачу по созданию на Дальнем Востоке первого крупного индустриального центра.

За плодотворную работу, дорогие товарищи!

И. ИГРЕЦОВ

Первая землянка

Много говорят теперь о трудностях первого периода стройки. Были они, это верно. Но жили мы и тогда весело. Дружба, доверие в коллективе были исключительные.

Веселья и песен в никогда раньше столько не слышал.

В дождливые дни было хуже. На работе вымокнешь до нитки, а согреешься нигде. И сверху и снизу вода.

И вот решил мы бригадой землянку себе строить. Лес был густой. За строительным материалом далеко ходить не приходилось. Обработаем

десять часов на строительстве и принимаемся за жилищное строительство». Вырыли яму, привалили бревна, засыпали крашу земель. Топора у нас не было. Комсомолец Бердин один одним ножиком сделал. Но как был с лещкой? Случайно я нашел у черкушник старое, ржавое ведро. Обрадовался мой ребята. Где-то в деревне выменяли на табак старую печную местную трубу. И вот в печке горит огонь, и землянка теплая.

На новоселье собрался ребята почти со всей площадки. Смотрели и хвалили. Это была первая землянка.

Михаил ИЛЬИН

Штурм тайги

(Из дневника)

...Тяжело падали в болото подрубленные дубы и кедры. Вековая тишина отступала под напором людских голосов и ступа топоров. Отступали лесные обитатели: змеи торопливо упозлали в урляк, птицы покидали излюбленные кусты, кабаны яростно раздирали заросли, убадили к сопкам, верхинки которых, высеребранные снегом, поднимались из глубин тайги; медведь тревожно прислушивался к незнакомым звукам...

По пояс в травине, в болотной воде отсвечивали мы каждую глыбу земли. По вечерам, промочившие и озбище, грелись у костров. Языки пламени, пожирившие душистые сосновые ветви, бросали розоватый отсвет на лица, забрызганные грязью. На берег накатывались волны, и галька, как стекло, звенела от их прикосновения. И хотя огромные дубы еще стояли кругом враждебной стеной, мы были уверены, что победим их.

...Работая в бригаде корчевщиков. На раскорчевку шли все: и строители, и металлсты, и разнорабочие...

На сборании, где обсуждался бригадный наряд, выяснилось, что кое-кто оглядывается назад, в туманную даль реки, откуда пришли пароды. Сергей Розов наотрез отказался от

временной работы «не по специальности».

Утром бригада вышла на работу. От лесных великанов, болот и моховых кочек несло запахом прели, свежей зелени и цветов — своеобразным ароматом тайги. Путь преграждали баррикады старых линий и стволов поваленных деревьев. Бой предстоял трудный.

Лирические настроению Володе Кречко вспомнились слова из некрасовского стихотворения: «Плывала Саша, как лес вырубали...» «Саша! Какая Саша!— вдруг перебил себя Володя.— Медведи не заплачут!» И он огласил тайгу звонкою песней.

...Тайга почувствовала, что ее теснят. Тайга поняла, что люди посягают на ее могущество. Она сопротивлялась, бросала на нас холодные ветры и лианы. В палатки прокралась сырость, вша, тиф. Умар севастьяновский комсомолец Николай Крикун. Его похоронили на том месте, откуда началась раскорчевка. Еще не было ни завода, ни города, но уже возникло кладбище. Став у свежей могилы, один из нас сказал:

... Крикун не боялся тайги. Он был первым среди нас. И лучшим памятником ему будет построенный в срок завод.

Но слабые drogунки, К Розову присоединился Фур. Злотарев хмыкал.

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

И. А. Ш. А. ОБЛОЖКА:
КОМСОЛСКИЙ ЗАВОД «АРСЕНАЛ»
ИВАН ШВЕЦ.

Фото
Мирислава МУРАЗОВА

РЕПОРТАЖ «РАБОТА НОРМ-
ЧИТАЙТЕ НА СТРАНИ-
ЦАХ 4-8».

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 12 [1082]

ИЮНЬ
1972

12

РАТНОЕ МУЖЕСТВО.

Интервью с двумя Героем Советского Союза В. Н. ЛЕОНОВЫМ и очерк о героическом артиллериисте генерале В. С. ПЕТРОВЕ.

16

К 50-ЛЕТИЮ СССР.
МОЛОДЕЖЬ АНСАМБЛЯ
ГРУЗИНСКОГО НАРОДНОГО
ТАНЦА.

20

«ИМПЕРИЯ СТРАХА».

24

«СИЛУЭТЫ».
КОНДРАТИЙ ФЕДОРОВИЧ
РЫЛЕВ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

КОМСОМОЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР:
КАРЛ МИКЕЛЬСОН С ЗАВОДА ВЭФ

«ВЛАСТЬ ЭЛЕКТРОНИКИ».
ФОТООЧЕРК О ЗАВОДЕ «ХРОМОТРОН»

РАССКАЗ РУСТЕМА КУТУЯ «ХОЛМЫ»

«ГАЛЕРЕЯ ШЕДЕВРОВ».
ПОЛОТНО ПАВЛА НИССКОГО
«МОСКВА, 41-й ГОД»

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИЯ: В. С. Абашии, Г. П. Еписеев, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов (ответственный секретарь), В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчинов, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стунов (главный художник), Ю. В. Томашевский, Б. Е. Томашевич

Художник Г. С. Терзибашьянц Технический редактор Н. И. Будкина

что заживает ревматизм. Кауровс испугался гудок. Он празднично пролегла рабоче время в палатке или писал пламенные письма матери. Дворнич обивал пороги конторы, подсыпая работнику полегче. Бригадир увещиваниями, а иногда и окриком старался удержать их на работе. Он став неподатлив, и ничто не могло сломить его упрямства. Розов, сидя на берегу с удочками, молодецки сплевывая в воду и говорил: — Бригадир, зря стареешься, лучше подождать, когда придет пополнение.

Ребята потребовали, чтобы Розова выселили из бригадной палатки. Переселился, Розов бросил удочки: — Ладно! Я уйду, но, как это го-

ворится, хлопнула дверь, и посмотри, чья еще возьмет. — Что ж, посмотрим, — приняли мы вызов.

На другой день бригада перевалила норму и решила: «Так держать!»

В наших мечтах уже рос новый город. Широкие улицы, залитые электрическим светом, утопающие в зелени и цветах, гранитная набережная, университет, стадион... Недалеко высятся корпуса завода и доки Воды Амура бороздят новенькие пароходы. По рельсам промолочной от Волочаевки железной дороги мчатся паровозы. А побежденный тайга шумит вдали...

Первый заводской гудок в тайге

Сегодня, 16 июля 1932 года, в фихой амурской тайге раздается первый заводской гудок.

Путь лесозавода является нашей первой серьезной производственной победой, триумфом как выполнению и превращению всей ильинской программы.

На пути строительства лесопилки немало трудностей, немало препятствий непроходимой отдаленности головатки и бюрократы, по вине которых оказался сорванным первоначальный срок.

Нытики, молверы «предрасказывали» невозможность пуска лесозавода 15 июля. Холодной стругией неверия они думали заглушить творческий энтузиазм рабочих-уарничков.

Моловеры просчитались. Героическим штурмом трудностей, сплошным упорничеством строители и монтажники лесопилки и лесозавода сорвали вышесказанное. Сегодня в 6 час. они зяют первую партию досок.

(Из экстренного выпуска газет «Амурский ударник» и «Тихоокеанская звезда», 16 июля 1932 г.)

Григорий АНДРИАНОВ

Первая интернациональная

— Бригада была создана еще на пароходе «Проритерн» 25 мая 1932 года. Было подано 150 заявлений, но мы оставили только 21 человека. Бригадир выбрал меня.

В нашей бригаде были представители двадцати одной национальности, и мы назвали ее «Первой интернациональной».

Первое время, работая на корчевке, мы пользовались такой же техникой, как все остальные: подрубали корни, потом вагами и веревками валяли дерево. Но эта техника не давала высокой производительности, и мы стали поступать так. Шесть сильных ребят вместе со мной арканом набрасывали веревку на верш-

ну дерева, а если веревка не попадала на вершину, мы поддевали ее двенадцатиметровой рогулей. Затем все брались за веревку; те, кто поближе, хватили концы, а кто повыше, те ближе к дереву и по команде «раз-два» ткнули. Дерево, стибясь в дугу, начинало поднимать рвущимися корнями почву и падало с огромным комом земли. Тогда второе звено из шести человек принималось отделять ветви от ствола. Третье звено растаскивало отпиленные ветви и корни.

Работая таким методом, прозванным «качалками», мы выработывали 400 процентов нормы против 150 процентов по старому способу.

Есть город на карте!

Постановление Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 10 декабря 1932 года.

С л а у а д а: Проект Постановления Президиума ВЦИК «О преобразовании сельцнц Перского Нижне-Тамбовского района Дальневосточного края в город Комсомольск-на-Амуре».

П о с т а н о в и л и: 1. Селение Перское Нижне-Тамбовского района Дальневосточного края преобразовать в город, присвоив ему наименование «Комсомольск-на-Амуре».

2. Город Комсомольск-на-Амуре выдешать в самостоятельную административно-территориальную единицу с непосредственным подчинением Комсомольского городского Совета исполкому Дальневосточного края.

Александр ФАДЕЕВ:

— Город Комсомольск каждый дальневосточник, в каждый гражданин Советского Союза должен знать и любить и помогать ему,— это героический город с большим будущим.

(Из речи на общегородском собрании комсомольцев гор. Комсомольск-на-Амуре 29 декабря 1933 года.)

Мы на шаг назад не отступим

ИЗ ПРИВЕТСТВИЯ ДЕЛЕГАТОВ ПЕРВОЙ ГОРОДСКОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ ВЛКСМ

...Счастливые и радостные собрались сегодня лучшие люди города Комсомольска на свою первую городскую конференцию.

Мы, полдрем красноречивого Ленинского комсомола, занесли наш город на карту мира. Позди остался трудный путь борьбы с амурской тайгой, борьбы с таежными хищниками, с неумолимым циклоном. Большевикской закалки, школой воспитания достойных героев, чья именн является нашей гордостью.

Свято храня боевые революционные традиции нашей партии, традиции Ленинского комсомола, мы никогда ни шагу не отступили и не отступим перед трудностями. Мы, комсомольцы своего поколения выстояли в годы гражданской войны, первыми на Дальнем Востоке похитили славу знамен стокховского движения. Мы можем гордиться именами наших ставленцев — Смуровых, Тименко, Сифанова и других... Их примеру будет следовать вся наша организация.

(Январь 1936 г.)

Приезжайте к нам на Дальний Восток

Из письма Валентины Хетагуровой девушкам Советского Союза

...Дорогие подруги, вместе со всеми дальневосточницами я зову вас приехать к нам. Я о зову вас на открытие от жизни. Ведь то, что вас ждет, так интересно! Девушки на Дальнем Востоке приносят в суровую и часто грубую жизнь то, что обогащает, поднимает людей, вдохновляет их на новые героические дела.

Но запомните, на Дальний Восток мы зовем только смелых, решительных, не боящихся трудностей людей. Мы знаем, что наши юношата и девушки владеют высокой эстетикой, зависть ко всему героическому, пусть трудному и тяжелому. Все, что трудно, но полезно для нашей Родины, то почетно...

(«Комсомольская правда», Красноярск, 1937 год)

Евгений ПЕРОВ

Расплавленная планета

...От Хабаровска до Комсомольска надо пойти почти четыреста километров вниз по Амуру. У самого Комсомольска Амур поворачивает и образует громадную водную поверхность. От сильного ветра, от обилия сверкающей воды, от зелени, заросшей тайгой. В час от нас реки, города, наконец, от славы, которая окутан город, испытываешь волнение. Волнуешь так, словно подожжешь его. Каким образом, где не был два-три лет.

К комсомольцу Комсомольск? Я прочел, кажется, все, что о нем было написано, но никак себе его не мог представить. Почему? Наверное, подозрительно знакомая фраза: «Еще совсем недавно здесь была глухая тайга, а теперь строится всякая громада красивых зданий». Я решил, что поеду туда, а в Комсомольске есть прекрасно асфальтированная площадь.

Так вот, товарищи. В Комсомольске — это не глухая тайга. Это строится высшимися громадами тоже не все обстоит благополучно. Откровенно говоря, Комсомольск сильно обсажен в желании показать его своим жителям городам. И все-таки то, что я видел, превзышло все мои ожидания. Город оказался удивительно интересным. Этот город записывается на всю жизнь. В нем столько всего. Большая индустриальный город. И, что еще было важно, за эти пять лет выросли новые люди. Они прошли и блестящие успехи, и тяжелые времена, и выжили высшей женской школы — факультета строительства социализма в тайге. Большинство из них были мальчики, которые могли предложить нам свои руки и знания. Они строили тайгу, вымерявали сами, строили первые заводы. Они мужали с каждой новой выстроенной заводской и жилищной площадью. Выросли деревом. На их глазах создавались заводы. Они пошли работать туда. Они учились, приобретали профессии, продвигались вперед. Из них вырабатывались серьезные специалисты, партинные и комсомольские руководители. Это золотые кадры.

...Есть в характере комсомольских строителей одна черта. Если они говорят о прошлом своего города, о любовью, то в разговоры о будущем города звучит настоящая неутолимая страсть. Комсомольчане, как, впрочем, и большинство дальневосточников, с огромным вниманием одержились людей. Конечно, в самом лучшем смысле этого слова. Они могут быть охоты до планировки города, о будущих его са-

дах, о магистралях, театрах, санаториях...

...Комсомольск — это расплавленная планета, которая еще не начала затвердевать. Здесь все находится в состоянии бурного движения. Обо всем этом же говорит: «Скорее здесь будет то-то», «На днях мы переедем в новое помещение» или: «Мы только вчера переехали», «Здесь мы временно», «Осенью в этой школе уже начнутся занятия».

Когда я пришел, Комсомольск не было даже в плане. А когда уезжал, давно заказанная и страстно ожидаемая пристань, красная, двухэтажная, с надписью «Комсомольск», с ресторанами, покоем из двух фешене, уже подтягивалась к городу на буксире.

Когда подожжешь к молодому американскому городу, первое впечатление бывает очень сильное: превосходная мостовая, блестящие автомобили, стандарты, но чистые рестораны и кафе, бензиновые колонки, красивые рестораны, в домах всюду ванные, в учебных заведениях, когда вы получаете большую порцию положительных впечатлений. Затем постепенно начинают открываться подлинное лицо города: колоссальная, еще подавляющая фигура восточного города. Властелин города — это деньги. И уже хочется поскорее уехать и, сохранив приятное воспоминание о дорогах и колоннах, а когда больше не возвращаться в город, где властвуют деньги.

Когда въезжаешь на улицы Комсомольска, поражает страшная неразбериха, недостаток порядка, плохое обслуживание. Это все, что в начале начинаешь замечать хорошие дома, ясли, школы. Впечатления улучшаются с каждым часом. Видишь первоклассную индустрию. Это в Комсомольске один завод, не установленный американскому по плану, порядку и оборудованию. Потом начинают открываться то, что открывалось в первую очередь: внутренняя сущность города его духовное лицо. И, наконец, становится понятным, кто властелин этого города.

Властелин это — идея.

И покидаешь Комсомольск с чувством сожаления. Просто жалко уезжать...

(Из очерка, опубликованного в № 8 — 9 «Огонька» за 1938 год)

Алексей МАРЕСЬЕВ, Герой Советского Союза

Школа мужества

Никогда из народной памяти не изгладится слава о героических делах первых строителей Комсомольска, не отступавших ни перед какими трудностями. Первыми образцы беззаветного служения Родине.

Коллектив строителей Комсомольска был одним из моих воспитателей. Он воспитывал во мне, как и в сотнях других юношей и девушек, уме-

ние преодолевать трудности, принял те черты характера, которые очень пригодились и помогли преодолеть многие невзгоды в дни Великой Отечественной войны. Первым мужественное крещение я получил именно в Комсомольске, когда учился в аэро клубе без отрыва от производства вместе с другими молодыми строителями города.

Сергей ГЕРАСИМОВ

Как рождался фильм «Комсомольск»

После выпуска картины «Семеро смельчак», в которой показаны молодые, выцветшие комсомолы, очень важные полярианы, нас вновь привлекла тема комсомола. Соинициаторами сценария были Старинов и М. Витускинские в студии «Ленфильм» была начата работа над фильмом «Комсомольск».

В начале сценарий, поставленный в основу произведения, после обсуждения его в Комсомольске—наАмуре с непосредственными участниками строительства города был нами фундаментально рассмотрен. Мы узнали много нового о каждой детали и подробностях. С максимальной художественной простотой и правдивостью хотелось обо всем этом рассказать. В течение двух месяцев нашего вторичного пребывания в Комсомольске город менял свое лицо. Если в 1936 году нам пришлось еще жить в бытовых условиях, то летом 1937 года съёмочная группа в сорке человек уже могла разместиться в превосходном доме — за это время их немало выросло в Комсомольске.

Многие участники прямого строительства города, мы вынуждены были уже прибегнуть к специальным постройкам так называемого «Копай-города», шальных улиц, производственных помещений, а также и полаты. Мы стремились с максимальной точностью воспроизвести героическую борьбу с тайгой.

Алексей АРБУЗОВ

Первый спектакль о городе на заре

В 1938—1939 году вместе с режиссером В. Н. Плечком мы задумали организовать в Москве театральную студию. Но не было современной формы, выражающей чувства, которые всех нас волновали. И тогда кто-то (не помню уже, кто) предложил пойти в Ленинград, в Москву, в Комсомольск-на-Амуре, где строился руками наших современников, о том, как приходится им бороться с пережитками прошлого, о том, как возникает коллектив...

Комсомольск далеко, никто из нас не мог туда поехать. Естественно, кто мы сразу же постарались наладить процесс оладывания материалов. Установили письменные связи с жителями города, доставляя первые комсомольские газеты, а когда кто-либо приезжал из Комсомольска, немедленно набрасывался на него и просил обо всем рассказать. Через полгода работы у нас возникло ощущение, что материал мы знаем достаточно. В начале 1941 года студия получила в аренду сценочную площадку в клубе в Малом Киретном переулке. Здесь и была сыграна премьера «Города на заре».

Тема «первого ребенка», уроженца города Комсомольска, вызвала среди всей молодежи трагическое умиление. Мы решили снять этого ребенка, матери Комсомольска принесли нам десятки детей, добываясь чести запечатлеть именно своего мальчика. Но когда встал вопрос об участии в съёмках старух, ассистентки режиссера, Петруха, дадут дней энергичными образом разыскивать подходящий объект, и все же в конце концов пришлось пойти на компромисс. Мы сделали 38 кадров, в которых описаны пять дней энергичными образом разыскивать подходящий объект, и все же в конце концов пришлось пойти на компромисс. Мы сделали 38 кадров, в которых описаны пять дней энергичными образом разыскивать подходящий объект, и все же в конце концов пришлось пойти на компромисс.

Встреча парохода «Колумб», специально откомандированного от своего основного рейса и вновь посланного в Комсомольск через четыре года для восстановления исторического эпизода «Гризад комсомольцев», вызвала среди жителей Комсомольска огромный энтузиазм. Молодежь вспоминала, как на этом самом пароходе она приехала к селу Пермскому, где во время малолетних лет она и была вынуждена начинать строительство.

Пятилетняя годовщина Комсомольска отражена в картине торжественным спуском ледового парохода «Колумб». Но для съемки этой сцены командование Амурской речной флотилии прислало свои военные корабли, чтобы продемонстрировать в финальных кадрах фильма мощь и непрустимость нового дальневосточного флота нашей Родины.

Когда вечером мы с Плечком поехали к Каретному, увидели входы в залы, пятачок, пятачок проинтерну в здание театра. В зале было пятсот мест, все билеты давно проданы. Но так как зрителями оказались только в основном студенты, а у студентов, как известно, есть друзья, то на каждый билет прошло по три-четыре человека. Из-за отсутствия контроля и полной неразберихи мы начали спешить только в половине десятого.

...Поднялся занавес, послышались звуки «Интернационала», который пела толпа строителей будущего города.

До этого дня я ни разу не показывал наш спектакль широкой публике. Даже среди студийцев существовала легенда, что будущий славный спектакль, равнодушные не было... Окончился спектакль в третьем часу ночи. Но зрителя тогда еще не распустили. Это было 5 февраля 1941 года.

Все для победы!

ПРИВЕТСТВИЕ ЦК ВЛКСМ
МОЛОДЫМ СТРОИТЕЛЯМ
ЗАВОДА
«АМУРСТАЛЬ»

Центральный Комитет ВЛКСМ поздравляет комсомольцев и молодых строителей с пуском первой очереди подшефной комсомолу стройки — завода «Амурсталь», с выдачей первых тонн металла.

Ваша работа — немалый вклад в дело создания металлургической базы на Востоке. Вы практически доказали оправданность высокого звания членов Ленинского комсомола. На строительстве в борьбе с трудностями возмужали, приобрели квалификацию сотни юношей и девушек. Комсомольцы Вадя Деменина, Федор Славинский, Николай Санников, Ольга Мишино, Татьяна Моргунова, Иван Рохлин, Михаил Кураков, Миша Тимофеев и многие молодые строители показали образцы работы на трудовом фронте. Все для фронта, все для победы над проклятыми гитлеровскими бандами — этой мыслью живет сейчас комсомолец, вся советская молодежь.

...Надеемся, что молодые строители «Амурстали» будут в первых рядах бойцов трудового фронта, сделают все, чтобы Красная Армия обрушивала на головы фашистских львоводов тонны смертоносного металла.

Желаем дальнейших успехов в Вашей работе.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВЛКСМ

Февраль 1942 года.

Юрий ГАГАРИН

Город вечной юности

Очень символично, что этот слет проходит в городе вечной юности — в городе Комсомольске, которому в эти дни исполнилось всего лишь 35 лет. Для города это срок небольшой, а между тем город, построенный нашей молодежью на берегу могучего Амура, уже давно известен всему миру... Здесь получили закалку замечательные люди нашей страны — Герои Советского Союза Маресьев, Кретов, Шемеленко, Тарасов, Сазонов, Плещков, Ларев, Дикопольцев и другие.

Славно трудятся и сейчас комсомольчане. Свидетельство этому — высшая правительственная награда Комсомольские-на-Амуре — ордена Ленина; об этом говорят и ордена, ярко горящие на груди комсомольчан.

(Из выступления на Всесоюзном слете молодых передовиков производства в городе Комсомольские-на-Амуре в июне 1967 года)

«Комсомольск — город особенный, он правофланговый комсомольский строй, город первооткрывателей, и все мы считаем себя на учете в комсомольской организации этого города, если он по-особому близок и дорог, — сказал с трибуны Всесоюзного слета рабочей молодежи, собравшейся в Комсомольске-на-Амуре в дни 35-летия, один из его участников.

Держи равнение,
Мое поколение,
На Комсомольск,
На Комсомольск!

Так поется в созданной недавно песне. И в унисон с этой песней звучит родившийся в одной из комсомольских организаций страны горный крик: У каждого в жизни должен быть свой Комсомольск!

Цитируйте —
ударный труд, мастерство и поиск молодых!

НОРМА

Владимир ПЛЕШАКОВ, Миклош МУРАЗОВ (фото),
специальные корреспонденты «Смены»

Как-то я прочел, что современная космическая ракета состоит более чем из миллиона деталей. Даже при богатом воображении трудно представить, что такое миллион всех этих винтиков, гаечек, трубопроводов, сопел, датчиков, тумблеров, фляцев, транзисторов и прочая и прочая. Ну и если учесть, что каждая из этих деталей, прежде чем стать

**НУЖНО ЧУТКО И ГРАМОТНО
НАСТРОИТЬ СТАНОК...**

ЕСТЬ НАД ЧЕМ ПОДУМАТЬ.

**СТРОГОЕ СООТВЕТСТВИЕ ЧЕРТЕЖУ —
АЗБУКА РАБОТЫ.**

годной для космоса, прошла обработку у многих операций и побывала не в одних рабочих руках, и в конце не сочтешь, сколько людей непосредственно участвовало в создании космической машины. Может быть, еще и потому после очередного удачного старта в поздравительных телеграммах указывается широкий адресат: «Рабочим, инженерам, техникам...» Всех фамилий не перечислить.

Да что там ракет! Мы живем в окружении вещей, сработанных людьми. И каждая из них, даже самая простая, до того, как начать службу человеку, прошла немалый путь к своему рождению, через множество сработанных рук.

Люди давно уже открыли, что разделение труда по операциям при изготовлении любой вещи дает огромный рост производительности труда. Классический пример с производством английской булавки, вошедший во все учебники политэкономии, служит убедительным тому доказательством уже не одному поколению студентов. Но если изготовить английскую булавку было все-таки под силу и одному ремесленнику и разделение труда по операциям между несколькими работниками только увеличивало их производительность при производстве булавки, то современный токарный станок в одиночку уже не смастерить. Тут нужно в совершенстве владеть десятками различных профессий. Одному человеку их просто не освоить. И чем сложнее машина, станок, аппаратура, прибор, тем большее количество профессий требуется при изготовлении. Но как тогда выделить долю труда каждого, зантого в их создании? Это необходимо не столько для установления авторства — «сочтемся славою, ведь мы свои же люди», — сколько для более прозрачной и тем не менее необходимой задачи воздать каждому по труду согласно основному принципу социализма. Что попомнить в основу при подсчете? Как сопоставить труд токаря, в течение многих недель точившего из заготовки гребной вал для супертанкера, и труд фрезеровщика, который за секунды сил фрезы на шпильке болта?

Инженер-технолог киевского «Арсенала» как-то показал мне заднюю крышку фотоаппарата новой модели. Крышка как крышка. Но мой знакомый насчитал больше двух десятков операций, которые необходимо последовательно проделать, прежде чем эта деталь пойдет в сборку. Но перечислить операции было даже не половиной дела. Нужно было точно определить, сколько рабочего времени уйдет на каждую из них. Сколько станочник минут отнимут они у фрезеровщика, шлифовщика, сверловщика. Нужно было определить оптимальный режим обработки и рассчитать минуты и секунды, необходимые для установки детали на станке, замены обрабатывающего инструмента и оправки, их наладки. При этом следовало помнить и об особенностях металла, из которого изготовлялась крышка, и есть ли у рабочих цеха опыт обработки данного металла. И на каких станках будет вестись обработка...

Простая крышка — и головолонная ширеда. Элементарная деталь фотоаппарата — и столбец цифр, суммирующих абстрактные минуты и секунды. Но при ближайшем рассмотрении абстрактные минуты и секунды оказались до удивления конкретными. А отвлеченное понятие «время» — деньги обрело вдруг рационально-деловой смысл...

...Несколько раз я пытался прийти в цех в одно время с Иваном Швецом. На станции «Арсенальная» я выходил из метро и по Московской улице шел к проходной в сплошном потоке людей, торпированных в первую смену. Поздние сумерки еще не успевали к этому раннему часу разогнать темноту, и свет фонарей пытался выхватывать одиночные фигуры, ушедшие с тротуара на проезжую часть, и бросал на ступенчатый асфальт нечеткие тени, то сокращая, то удлиняя по мере того, как человек двигался от фонаря к фонарю. С теми, кто шел по тротуару, подобных фокусов не происходило. Нас было много. И трудно было понять, кому принадлежит какая тень. Мы были одним целым. У проходной наш поток еще больше уплотнился, потому что турникот, хоть и вращался во всю свою прыть, поспеть за всеми не мог. На территории завода сплошной поток людей дробился на ручейки, растекался и исчезал у дверей цехов.

Мне в седьмой. Иду на участок точной шлифовки.

— Доброе утро! — говорит мне Иван. Он снова опередил, хоть до начала смены еще пять минут.

На стеллаже аккуратно разложена сотня деталей, которые ему предстоит обработать. Я сажусь на стульчик рядом, и пока Швец методично измеряет микрометром одну деталь за другой, я

ДРУЖЕСКИЙ СОВЕТ, ТОВАРИЩЕСКАЯ ВЗАИМОПОМОЩЬ — НОРМА ОТНОШЕНИЙ.

знакомлюсь с его сменно-суточным заданием. Сто деталей. На обработку каждой — 6,5 минут. Потом чертит. Описане технологии обработки. Сегодня, кажется, работа попроче вчерашней: проточить оськи, чистота обработки седьмого класса. Тут же указаны допуски. Так сказать, возможные отклонения от идеала. Они микронные.

Иван не хочет показаться негостеприимным хозяином. Он протравляет две детали, объясняет: — Оська, которую проточил я, должна выдержать вот эту втулку. Ее обработали раньше на внедрешинском станке. Многие предшественники тут тоже давали допуск. Так что его втулки тоже не абсолютно одинаковые по размеру. Гуляют. Так вот, я должен свои оськи подогнать под них так, чтоб суммарное отклонение обеих деталей не превышало допустимых размеров. Там, где много предшественников много снял, я должен побольше оставить. Где он не добрал, я, наоборот, чуть-чуть сточу со своей осью.

Решив, что мне все понятно, Иван начинает колдовать со станком, шифовальным кругом, все прилаживает оправки. Потом закрепляет одну деталь, прогоняет втулку вдоль, замеряет ее. Снова прогоняет. Снова меряет. А я все поглядываю на часы в щель. Стрелки бегут, будто тоже заступили на смену, и торопятся к ее окончанию нацелать положенное им число минут. Уже четверть часа отстучало, а у Швеца все еще первая деталька. Он то меряет, то еще подпудривает канье-то ручни на станке. Включает его. Выключает. А померяя оську в очередной раз, вдруг спокойно сообщает:

— Запорол...

Так же спокойно он закрепляет на станке очередную деталь. И начинает все сначала.

— Может, мешают? Могу уйти...

— Да нет. Сидите. Я не замечу. — И опять склонился над станком.

В общем, поговорили. Да, собственно, обо всем, о чем нужно, было переговорено ранее. Александр Михайлович Мошненко, тридцатитрехлетний старший мастер участка точной шлифовки цеха № 7, сам недавний шлифовщик, сказал мне об Иване:

— Мозговитый товарищ. Очень быстро схватывает суть процесса и сразу ориентируется что к чему. Если появляется срочная работа, всегда есть смысл дать ее Швецу. Он не только быстро делает, но и качественно...

— Как понять значение этой характеристики, нужно знать Мошненко. Сколько дней я приходил в цех — ни разу не видел его спокойным. Он все куда-то мчался. Даже когда я зашел с ним на полчас в кабинет начальника цеха, чтоб поговорить о тонкостях профессии шлифовщика, он и тут спешил. Не успевая я закончить вопрос, как он, на лету схватив его суть, сразу торопился ответить, всякий раз удивляя тем, что ответ его был четко разбит по пунктам, было подчеркнуто главное и обращено внимание на детали. Вот и в Иване, его работе, он прежде всего выделял, с его точки зрения, главное — быстроту исполнения — не забыв при этом и о точности.

А вот мне Швец показался немного медлительным. И он и сам, как бы подтверждая мое наблюдение, сказал:

— Наша работа не любит спешки, самое главное в шифровке — точность.

Вот и поим их. Два характера, две оценки. Один смотрит на труд конкретного рабочего со стороны, выбирая и оценивая его на основании своего большого опыта. Другой сам является этим рабочим и уж, конечно, разбирается, что для его труда наиболее характерно. На точности, как на основной особенности работы шлифовщика, они сошлись. Но скорост...

Наверное, прав все-таки старший мастер. С док-си показателя работы участка я списал несколько данных. В двух кварталах 1971 года Иван Швец занимал первое место среди шлифовщиков, один раз был третьим. Чаще всего его месячная выработка превышала 150 процентов, а если давал ниже этого уровня, то были на это всякие объективные причины, а не Ивановы неосторожности. Если учесть, что «Арсенал» — предприятие с давними рабочими традициями, а потому мастерством и высоким профессионализмом тут никого не удивишь, почетное место, занимаемое Иваном в соревновании со

своими товарищами, становится особенно весомым.

Но как тогда понимать его слова «Наша работа не любит спешки»?

И еще одна записка. Швец на заводе работает чуть больше двух лет, и до этого ни он сам, ни семейные традиции не были связаны с промышленностью, производством, тем более с таким высокотехническим, как завод «Арсенал». Он рабочий в первом поколении.

Важно понять, что случайно, а что закономерное — пути высшего мастерства рабочего-металлиста. Как получилось, что крестьянский сын, выросший в житомирском селе на 115 дворов, выросший среди пшеничных полей и свекольных плантаций, естественно вошел в новую для себя социальную среду, безболезненно в ней адаптировался?

Одна из главных причин этого — истовая приверженность к труду, обычная черта большинства выходцев из села. Дядя Иван, выросший с семье с шестью детьми, она тем более естественна. Когда, рассказывая о себе, он вспоминал, как ходил в старшие классы средней школы, я понял, почему никак не могу опередить его у прохладной воды. Старики-классики всегда немудрено приходилось ездить в школу в соседнее село. Сначала поездом семь километров, потом еще два пешком. Чтоб успеть, вставали в шесть утра. Армия, куда он пошел служить по окончании одиннадцатого класса, давала такой же распорядок еще более четкий. И вот теперь он приходит в цех минут за 15—20 до начала смены. Не из боязни опоздать — его общепринятый распорядок с заводом, только перейти улицу... — а по давней привычке.

После армией он сразу пришел на «Арсенал». Три месяца учился на шлифовщика. Получил полный шестилетний рабочий стаж. Однако место у своего станка он занял раньше. Отучившись на курсах примерно месяц, он стал осваивать и опробовать свою будущую профессию. Это было и ученичеством и рабочим процессом одновременно, и в сошедшем рубле ученичества получал дополнительно 20—30 рублей, заработанных на первых деталях.

Виктор Борисович Пивнев, начальник бюро труда и экономики цеха, подробно объяснил мне, что такое нормальное рабочее время. Оно производится опытным нормированием, как техническое. Получалось, что, прежде чем Иван Швец получил сегодняшнее сменное задание и партию деталей, над ними — или, точнее, над работой, которую ему предстоит произвести, работали множество людей, которые должны были учесть множество факторов из самых различных областей человеческого знания, прежде чем вывести для названной операции ее нормативные параметры: шесть половин минут.

Нормировщикам приходилось учитывать и такую абстрактную величину, как «средняя рабочая». Один может сделать за смену сто деталей, другой — только пятьдесят. Норму приходится устанавливать в расчете на «среднего», который вроде может ослепить семьдесят пять, но которого чаще всего в природе не бывает. В этом моменте заключен глубокий социальный смысл. Если ориентировать норму на лучших, предельные возможности рабочего, то мы невольно лишим стимула совершенствоваться тех, кто достиг высоких показателей. Если, наоборот, принять за основу работ передовиков, то это не только убьет в них и перспективу своей работы, но и приведет к ошутимому удару по их карману. Отстающий еще не всегда означает — нерадивый рабочий. И нормирование должно учитывать еще и эту немаловажную деталь, дабы не нанести человеку незаслуженно психологическую травму.

После бесед с Пивневым и Мошненко и особенно после того, как последний в деталях объяснял мне хитрости, применив которые шлифовщик может сократить время на операции, мне вдруг стала проясниться и вторая причина, почему потомственный хлебобор Иван Швец смог стать передовиком на ижевском «Арсенале». Верно, что он не переставая своей профессией — физиком-то здесь. Но шел он готовился к ней он давно. Алгебра, физика, геометрия, тригонометрия, химия и все их азбучные школьные истины стали надежным фундаментом, на котором уже несложно было построить здание будущей профессии. И, к чести «арсенальцев», они хорошо разобрались в том, кому поручать благодарную роль строителя, создателя будущего рабочего.

Главными своими учителями и образцами для подражания Иван Швец считает братьев Ивановича и Леонтия Ивановича Гринченко. Пер-

СЛОВО КОМСОГА.

ВЫЖИВАНИЕ В ПОРЯДКЕ

вый носит почетное звание «Мастер — золотые руки». Если у кого-то вызовут определенное мастерство, протеста нет: всегда высказываются по поводу, слышу усложню: такой деталью: братьям доверяют обработку деталей, где требуется точность до двух-трех десятых микрона. Рядом обычный человеческий волос —70—80 микрон — кажется бравоим.

Самое главное — процесс познания профессии для Швеца еще не кончился. Он в пути к высшему мастерству. Я даже не о том, что он числится в школе передовых методов труда, которую руководит И. И. Грининевский, а о повышении квалификации у А. М. Мошненко, а стало быть, учиться и планирует к весне сдать экзамен на следующий, четвертый, разряд. Я даже не о том, что он конкурсор своего участка, а общественная «должность», какой малейшей работы ни будь, не только заставляет быть впереди и служить примером для других, но и самого подстегивает, как бы заставляет не застывать на месте, двигаться. Это само собой. Главное, что рядом стоящие товарищи должны бы уже несколько привыкнуть к нему, чтоб и не замечать перемен, происходящих в его труде, а эти перемены все-таки видят. Тот же Мошненко мне сказал:

«Чувствую, что в последние месяцы Швец растет. Уже пробовав осяевые пары — получается. Я не особенно понял смысл этих осяевых пар, но в тоне старшего мастера уловил и признание и везу.

Мне два тем временем отстучали положенные мне часы тем. Я пересчитал головные детали — двадцать. Значит, он уже «в среднем» вышел на норму и начал время, упущенное на первой осяе. Он еще раз что-то подкруживает, подгибает, алмазным карандашом подравляет режущую кромку круга и говорит мне:

— Теперь научу. К обеду должен кончить все... Привыкну в последние дни к подсчетам, я по привычке округляю в цифрах... давай работы почти на одиннадцатый часов. Это, как сказать, средняя общественно необходимая норма трудовых затрат на сотни деталей. Он справится с делом, «экономно» больше половины отпущенного времени. Но общественно оплачиваемая работа по цене и даже поощрит дополнительно как всякого передовика и будет само от этого не в накладе. Он нашел в отведенной ему работе резервы экономии времени, в строго и научно рассчитанных нормах он ужал время, и теперь вполне успешно использует свои знания, смекалку, особенность характера, и «выжал» из всех его, что «среднестатистическому рабочему» пока не под силу.

Только прошу не понять меня так, будто Иван уже сваял Христа за трибуной и теперь ему отведена только роль торфодора. Советов нет. Позавчера, например, у него так все спорилось, что он за смену обработал 34 кольца, которые раньше по одному часу за штуку, и заработал таким образом 17 рублей. Зато вчера дело не шло — три рубля сорок. И тут вовсе не норма виновата. (Что бы там ни говорили, чаще всего она была выверена и высчитана достаточно точно.) И даже «заполучил» одиннадцать — поменьше, та самая первая, — даже она была дана предусмотрена как неизбежная издержка производства). Причина сложнее. С одной стороны, на одном из видов операций он мог еще не «набить руку». С другой, но исключение — по психологической несовместимости — или неспециальности, что ли, в какой-то операции или детали. Затруднился выразить эти словами было доходящее, а потому приведу для ясности признание Мошненко:

— За смену мою работу шлифовщиком, что это больше десяти лет, было детали две-три, которые не любил обрабатывать. Другие ребята точат — и ничего, а у меня просто душа не лежит.

А у Швеца, наверное, есть свои «нелюбимые» операции и детали. Характеры у них с мастерством разнятся.

«...Часы на стене отсчитывают время. Я уж не считаю детали, не мнучу их на минуты с секундами. Я просто слежу за работой Швеца. И неожиданно для себя отрываю, что Иван вовсе не медлительный. Просто он очень внимательный. Иного лишнего. Все до предела экономно. Иной сунется, «обозначает» работу. А это работает. Взял деталь. Зажал в оправку. Правая рука чуть лежит на колесе, понемногу подвигает; круг вперед... Стоп. Головую деталь — на стеллаж. В оправку следующую...»

«...процессу с Иваном. А когда у дверей участка поворачивается, чтоб кинуть голову в последний раз, вижу, что он уже снова склонился над станком.

«...членки десятого класса Семенов возвращался домой в состоянии полного внутреннего дискомфорта. Он был очень доволен собой; на кружке удалось наметить об искривлении пространства, и было к месту, и все одно. Выше удовольствие, без превосходства, без самодовольства, однако и без ложной скромности — чистое удовольствие нес в себе ученик Семенов, астрондически довлеющая поглядывая на него, чувствовал, что, что он полон чем-то значительным и ни недостатком, ни оми это любит.

«...Если счастье — это отсутствие несчастья при максимально возможном удовлетворении собой (в Семенов, хотя и с некоторыми оговорками, принимая по это определение и соотнося с ним свою личную точку зрения), так вот, если это определение соответствовало истине, то Семенов в данный момент был счастлив.

«...Можно так сказать: «Счастье — это когда все в порядке», — а уж как там трактуется термин «порядок» дело сугубо индивидуальное. Для ученика десятого класса Семенов порядок складывался из двух элементов: порядок в душе и порядок в личной жизни.

«...Судя по порядку в душе Семенов понимал прежде всего и главным образом состояние чувства вины перед самим собой: за последний страх, за нелепо сказанное слово, вспоминание о котором могло мучить годами. Иногда не капивалось столько стыда, что никакой порядок в личной делах не мог Семенова утешить. А иногда (и вот сейчас как раз была такая полоса) все стыдное и нелепое отходило в глубокое прошлое, и нелепо не поступало. Конечно, что-то где-то там брезжило в любовь минуту, но это надо было специально вспоминать, а специально вспоминать — хуже, а не лучше.

«...Порядок в личных делах, по аналогии, предполагал отсутствие чувства вины перед другими людьми. Тут дело было сложнее. Но вот сейчас как раз пришел такой момент, когда Семенов ни перед кем ни в чем не был виноват. За плечами у него, как шелковой флу, развевалась чистая радость. Фразу эту Семенов где-то вычитал, и она звучала в нем, влившая пишущую, но сегодня даже пишущая ее была и месту и не смешала.

«...Вперед Семенова ждали чистые уборные комнаты и по всем правилам приготовленный «пятничный» ужин: по пятницам сестрица Нинка приходила с работы раньше обычного и успевала новости уют, а к утру Семенов литал призрачные с тех пор, как умирала в пятницу, а в пятницу Семенов был очень любил чистоту и порядок, а у Нинки с этим получалось не очень, и Семенов по мере сил и умения полагал: ей молы, протирал влажной тряпкой мебель, раз в неделю производил генеральную смену постельного белья. До себя у Нинки руки совершенно не доходили. Семенов, видя, делал, взял эту заботу целиком на себя. Сам ходил в прачечную, самообслуживания, сам налаживал громоздкие и примитивные машины (технику своего же записки и частенько с появлением Семенова удалялся по своим делам, оставляя на его попечение целый зал), сам стирал, отжимал и гладил. При этом отдал Семенов так девчонки из класса, начали было посягаться, но потом «зауважились».

«...Ничего постыдного Семенов в этих хлопотах не видел: ему нравилось думать, что, пока в доме чисто, мама как будто жива. Так он прорывал жизнь своей мамой, никому, конечно, в этом не признаваясь, и Володя, например, выражал искреннее недоумение: отчего он столько суетится по дому при живой сестре!

«...Володя — Нинкин муж, по-старинному деверь или там шури, а по-нынешнему никто — имел полное право выражать недоумение. Если не моральное право, то по крайней мере экономическое: Нинка зарабатывала слишком мало, чтобы вытнуть долги, и с Володяным появлением из финансовое положение сильно ухудшилось. Появились даже ошутимые надежды на то, что Семенов сможет, если захочет, поступать на дневной. Вопрос, захочет ли Семенов, оставался открытым, но сама возможность приятно радовала. Семенов избегал поднимать этот вопрос, хотя Володя при каждом удобном случае раздвигал щедрой гаванью, «Получил золотую медаль — будь тебе магнитофон, серебряную — расцветай только на транзистор. В институт поступишь — мотороллер у тебя в кармане. Понял! Вот так».

«...Мотороллер был Семенову без особой нужды, о мотороллере мечтал сам Володя, но это предмет у него были каменно-то «подожженные», а вот магнитофон у Семенова была острая необходимость. Провода, самый факт, что об этой прекрасной вещи можно говорить в такой скупой связи, как-то Семенов расхолаживал. Будет магнитофон сам по себе — превосходно, если же в награду за прилежание — бог с ним, с магнитофоном, в конце концов не два магнитофона старомодных. Володя же, прощало, сказал бы, вернувшись к коренному второгородному, он не мог себе представить, что можно «взять на медаль» просто так, он ни в какую не хотел поверить, что Семенов отличник, что магнитофон у него фактически в кармане (это-то и было самое приятное): видимо, отличники на Володяному веку выглядели как по-прежнему.

«...Сестрица Нинка не вмешивалась в эти душевные беседы: она боготворила Семенова, считала его унимым и красивым, и было у нее единственное требование — даже не требование, а просьба: только бы не грубил. Сегодня Семенов как раз не собирался грубить: он шел домой в состоянии полного внутреннего баланса.

«...Войдя в прихожую, Семенов был несколько удивлен: сестра не вышла на встречу с традиционным «Явилось, ваше сительство!». Она встретила так Семенова изю дня. Ничего другого придумать она была не в состоянии: времени не хватало. Однако каждый раз эти слова казались Семенову смешными: должно быть, потому, что, говоря «ваше сительство, Нинка вытирала руки о фарук».

«...Как ни любила она своего Володю, как ни «берегла» его, а все же Семенов ни не мешал: он был это сразу почувствовал. Нинка считала без Семенова, все у нее валилось из рук, если Семенов заигрался больше положенного, и Володя ворчал: «Ну, вот, опять тыничка пригорела, ты бы хоть выничка пригорела, а ты мол кайнубудь, а ты мол кайнубудь, а ты мол кайнубудь, а ты мол кайнубудь».

«...Когда Семенову звонили девчонки из класса, Нинка в срдках бросала трубку на телефонный столб и кричала через весь коридор: «Иди к телефону тебе! Повалился, бестыжий». Володя хмыкал и крутил головой:

Рисунок Александра МЕНШИКОВА

«Смотри-ка, ревнует. Ну, дети природы!» «Дети природы» — было любимое его выражение. По отдельности он называл Нинку Петей, Семенова — Семеновым, а вместе он называл их только «дети природы».

То, что Семенов остался для Володишки Семеновым и не стал Николаем, Коленькой, Колькой, в общем, казалось естественным: у Нинки теперь другая фамилия, и Семенов стал единственным, так сказать, продолжателем рода. Но в то же время было в этом что-то... трудно сказать, что именно, но что-то все-таки было. Поэтому Семенов и не заводил разговора о своем поступлении на дневной: хотелось оставить за собой право почетного отступника. Я — Семенов, вы — не Семеновы, давайте и бабки врозь.

А в целом Володишка Семенову нравилась: веселый, открытый парень, и то, что Нинка на год старше, его как будто не тяготило. Семенова затретило бы, и даже очень, он это за собой знал. Более того: Семенов не совсем понимал, каким образом Нинка, которую он считал размазней, удалось найти себе такого отличного мужа. Однажды в разговоре с Семеновым наедине Нинка обмолвилась, что и замуж-то она вышла только для того, чтобы Семенова вывести из люди. Семенов не поверил: просто начисто отверг, и все. А потом долго мучился: оттого ли отверг, что не похоже на правду, или оттого, что ему удобнее не верить?

Сестрица Нинка сидела за столом, обхватила руками голову. Перед ней на скатерти лежал листок исписанной бумаги. Семенов понял: что-то стряслось. У него сразу упало настроение. Первой мыслью было подленькое: ну, вечерок предстоит! Сестра была на десять лет старше Семенова, возраст уже тажевый да и характер мрачный и унылый. Был у нее один пункт: она со дня на день ждала несчастья. И оттого, что несчастье не приходило, ей было все время не по себе.

Молча, ни о чем не спрашивая, Семенов кинул в угод папку. Сестрица Нинка медленно, не отрывая рук от головы, повернула к нему странное, слепое от слез лицо, и Семенов испугался. Коротко спросил:

— Случилось что?
Нинка покачала головой, губы ее затряслись, поджалась, подбородок мелко сморщился, и она приложила скромничный платок к губам.

— С Володяшкой что-нибудь? — спросил Семенов, сам холодея от своих слов.

Сестра не глядя пододвинула листок и конверт.

— Вот читай, — сказала она и высморкалась. Семенов взял конверт, повертел его в руках. Письмо было Володячке, до востребования, без обратного адреса. Штемпель месячной давности, откуда — не разобрать.

— Ну! — глядя в сторону, спросила Нинка. — Да ты письмо читай, что ты конверт разглядываешь!

Письмо брать не хотелось: не любил Семенов письма читать, чужие — тем более. Ему Александрова летом письмо прислала — еле заставил себя вскрыть. И тут же пожалел, что заставил: глупости одни, половина письма из вопроса: «Как ты, как дела, как погода?» Так и не ответил, и ничего, обошлось. Сама же Нинка смеялась: «Эх, ты, Нарцисс...» А потом почти на полном серьезе учила: так с нами и надо, нельзя нам показывать, что мы что-то значим, мы-то прекрасно знаем, что не значим ничего. Ну, это ее личный опыт, и Семенову он отношения не имел.

Однако пришлось взять листок со стола. Развернул его нехотя, прочитал следующее:

«Милый мой, ясенский. За что же ты меня мучаешь? Не пиши ты мне об ней ни слова, знать ее не хочу. И не надо мне от тебя ничего, и отбивать не стану. Напиши только, приедешь ли весной, как общаешься...»

Уши у Семенова покраснели и сразу распухли. Не дочитав, он бросил листок на стол. Сунул руки в карманы, отвернулся. Пальцы стали липкие, захотелось пойти в ванную вымыть руки. Но нельзя было: надо было остаться и говорить разговор.

— Ну, что скажешь? — шепотом спросила сестра.

— Что, что... — всхлинув, передразнил ее Семенов, но взглянул ей в лицо и тут же осекся. Нинка сидела сгорбившись, тускло смотрела на него снизу вверх, губы и глаза ее были воспалены. — А что, по-твоему, я должен сказать?

Он спросил это только для того, чтобы оттянуть время, да себе возможность подумать. Наверно, Нинка уловила это и тоже произнесла ненужную фразу:

— В подижке нашла, в старом... Петли обметать хотела...

Последние слова, видно, показались ей особенно для себя обидными, и она зарыдала. Уронила голову на стол и зарыдала так, как плакала с того дня, когда умерла мама.

Семенов растерялся. Какое-то время он стоял неподвижно, бессмысленно глядя на Ниинку махнутой, потом достал одну руку из кармана и тронул Ниинку за плечо.

— Ну,— сказал он нарочно хриплым голосом,— ну...

— Ниинка сразу перестала плакать. Она поспешно вытерла глаза и нос платком, выпрямилась сию и положила обе руки на стол.

— Да, да, конечно,— сказала она, не глядя на Семенова,— тебя это не касается.

— Но значить не касается?— глупо спросил Семенов.— Касается.

Он сам себе не понимал в этот момент: таким чужим, далеким казалось ему Ниинкино горе. Как будто в аквариуме за стеклом металась и мучилась золотая рыбка.

— Было поздравить, много времени спустя, Семенов понял, что мешало ему пожелать Ниинку своей обычной, немного синхронизированной жалостью. Мешало то, что было в письме, что стояло за письмом, чего он не мог, не хотел, не умел понять, как не мог, скажем, завести себя вдруг сразу заблудить мальчишкой.

Отвечивать было тоже досада. Какого черта, действительно, зачем мне все это знать? Какое мне до всего этого дело? Соображение было низкое, примитивное, но справиться с ним Семенов никак не мог. Оно одолевало. Растерянный, смущенный собственной черствостью, Семенов сел, не снимая пальто, на диван. Семенов сидел спиной к нему, не двигаясь.

— Какое, в сущности, непростое состояние — счастье,— подумалось Семенову.— Пять минут — и следа не осталось. Нет, делать это состояние целью жизни — затея вздорная. Не стоит хлопотать.

— Мамачка, мама,— громким шепотом сказала Ниинка.— Была бы ты, мамочка...

Семенов все всполот от презрения к себе, но по-прежнему сидел как деревяный.

— Ну, ладно, что там,— вздохнул, сказала Ниинка и насухо вытерла глаза.— Радавайся, ах...

— Вставай и не глядя на Семенова, вышла на кухню.

— Так,— сказал Семенов вслух. Он всегда говорил с собой вслух, когда надо было разобраться в чем-то сложном. Звук собственного голоса дисциплинировал, заставлял напрячься. Иначе в мыслях начиналась путаница и беготня. Другое в подобных случаях писульце что дышит, но бумаге, а Семенов разговоривал сам с собой. Сестрица Ниинка знала за ним эту странность и старалась в такие моменты ему не мешать.— Значит, что мы имеем? Имеем чужое письмо. Чье писульце, почему писульце — им об этом думать не станем. Нам при этом тошно. Но писульце — объективный факт, и Ниинка из-за него плачет. Это тоже объективно, и это надо пресечь.

Исключая писульце из сферы своих размышлений, Семенов сразу почувствовал себя свободнее. Стало жалко Ниинку, захотелось побегать на кухню, крепко взять Ниинку за плечи, встряхнуть. Ну, чего ты? Не одна живешь на свете. Семенов так и сделал.

Но бежать на кухню было рано: с голыми словами глупо бежать. Надо что-то придумать. Первое, что пришло Семенову в голову,— выслушать Ниинку, назвать мнительной дурочкой, убедить ее, что ничего не случилось, решительнее всего. Это Ниинку действовало почти безотказно. Ев же время жалость, что что-то случилось либо должно случиться вот-вот. Володька казался перед этим ее настроением, он начинал нервничать, раздражаться, и Ниинка совсем замыкалась. Один Семенов умел ее расшевелить. «Ну, что, опять только сбегала? говори он, обнимая сестрицу за плечи. «Что? Ну, глупости мелочи» — сердилась Ниинка. — Нет у нас никакой кошмары. «Вот и хорошо, что нет», — резонно отвечал Семенов, — а ты бы непременно сбегала. В доме тоща, молоко все скисло, скоро я и начну по крышам шататься и махать, как кот». «Ай, дай, дай!» — говорила Ниинка по-прежнему хмурясь с какой-то уже расхожим в голосе.— Кош-ту какому-то выдумал...» И через минуту уже смеялась.

Средство было глупое, но действенное. Семенов сидел еще какое-то время, порасудив, поразведив руками, но ничего лучшего не нашлось. И, вставая об утраченном состоянии внутреннего баланса, он побрел на кухню.

— Ниинка стояла у плиты и пристально смотрела на горящий газ. Все четыре конфорки были включены, пламя гудело и подпрыгивало, но ничего не жарилось и не варилось. Семенов неторопливо подошел, выключил три конфорки, а в последней наполовину убавил газ. Он знал, что на Ниинку хорошо действует уверенность в абсолютности действия. Если кто-то суется и шепшит, она тоже начинала волноваться.

— Ну, полегчало? — спросил Семенов.

— Нет, Коленка, не полегчало,— тихо ответила Ниинка.— Такие вещи не просят.

И не такие вещи просят,— возразил Семенов.— Я знаю препинания так расставляю, стиль выправил, орфографию в порядок привел. Теперь его на место положить можно, в тот же карман.

Семенов и не думал принакаться к письму, но он знал, что Ниинка поирает, а она и так же ошиблась: Ниинка повернулась к нему и посмотрела на него с любовью.

— Ну, а по содержанию что ты скажешь?

— Про содержание? — вало проговорил Семенов.— Нейтральное содержание, мне и не в твои дела. Ты не знаешь, как отказаться. Так часто бывает,— подумав, прибавил он: вспомнил про Александрову.

— А зачем он месяц писем хранил? — поджав губы, спросила Ниинка.

— Случайно завалилось,— буркнул Семенов, и получилось неубедительно, потому что Ниинка снова синела.

— Пишет он ей, пишешь,— сказала она и снова заплакала,— обо мне, него-дья, пишешь.

— Ну, это у него самого надо спросить,— пробормотал Семенов,— а может быть, и не надо никому спрашивать. Хочешь,— вдруг нашелся он,— я сам поговорю с ним как мужиком с мужиком!

— Это же издегало! Это сразу перестала смеяться.

— Ой, так же ведь придет пора поплакать! Как же я с ним буду? Ужми ему задницу! Нет, я иду...

— Ниинда ты не увидешь,— строго сказал Семенов.— Это твой дом, ты здесь хозяйка, иди туда, куда тебе угодно расправляйся.

— Тут начала уже работать обратная связь: не настроение делало слова, а слова сами делали настроение. Семенов вдруг настроился резко и неприимирно: в конце концов он может защитить сестру от всяких там разных, и он это сделает. Его удивляло уже, как это раньше ему не приходило в голову так поступить.

— Милый ты мой,— Ниинка кинулась к нему на грудь,— добрый ты мой братишка...

— Ну, вот уж нежных слов Семенов не любил и не очень-то в них нуждался. Но Ниинка была именно такой себе распыляющей, но уже определенное. Это упрощало задачу. Уж, ничего,— бормотал Семенов, синяла пальто,— мы еще поговорим. Чтобы Ниинка плакала из-за какого-то — этому не бывать!

И вдруг его словно обожгло: ведь он пришел ее успокаивать, уговаривать, что ничего не случилось. Как это ничего не случилось, если Ниинка плачет, если она не своя? Тут несчетный, сказал себе Семенов, испугався за свое маленькое благополучие? Так вот что, оказывается, ему мешало: что все изменилось, что жить станешь тут! Нет, с этой стороны он раньше себя не знал...

— Издегало! — услышал телефон: Александрова, конечно. Дня прожить не может. Ниинка метнулась из кухни, но Семенов уже взял трубку.

— Коля, ты...

— Ну а что же!

— Ну, это к тебе конторы, улыбайтесь, сквозь слезы, покачала головой. Слава богу, начала отходить, жакетсы. Главное сейчас — не дать себе вымалить из дому, не бросить ее одну. И постоянно работу ей подсовывать — пусть рыбки в серванте перетрачат. Какое ни есть, а все дело. И, приняв такое решение, Семенов облеглоенно вздохнул.

— Один! — резонно спросила Александрова.

— Нет, с Ниинкой.

— Я не люблю, когда вы с ней вдвоем.

— Дурра, она же всегда,— обиделась Александрова.

— Не называй меня дурой,— обиделась Александрова.

— Не буду,— пообещала Семенов.— Зарекся. Но запомни: когда человека называют неправильно, он не сердится. Он смеется.

— Ладно, я буду смеяться,— сказала Александрова.— Выйдешь? Я у почты.

— Нет, не поучится.

— Почему?

— Надо побить дома,— понизил голос, сказал Семенов.

— Поплы мы собираешься? — Александрова засмеялась обидным смехом.

— Возможно,— коротко ответил Семенов.

— Ты не хочешь, меня видеть,— поведлив, сказала Александрова.

— Уже видел — в школе.

— Это была месь — за мытье пола.

— А еще не хочешь?

— Семенову стало жалко ее: тонкое, жалостя к Ниинке, которой он захлебывался, перешла на Александрову. Тоже ведь мучается человек.

— Да вроде бы хочу,— уклониво сказал Семенов.

— Нет, правда! — обрядовалась Александрова, и Семенов засмеялся от удовольствия — какой пустяк сказал, и уже довольна, глупая. Тут даже так получилось, что ему в самом деле захотелось ее видеть.

— Ей-богу, хочешь,— искренне сказал он.— Вот только что захотел.

— Ну, тогда ладно,— ответила Александрова.— Пойду домой и буду сидеть и думать, что ты мне хочешь видеть, и все будет хорошо. Пока!

— Думай обо мне вечером, ладно?

— Ладно.

— В десять тридцать думай, минута в минуту.

— Это уж как бы точно.

Понимая, что Семенов сплоскился в маленькой комнате и стал думать, как ему поступить с Володькой. Но настроение было уже не то: Александрова выбила его из колеи размышлений. А если рассуждать логически, то лично против Володьки Семенов ничего не имел. И если обжесточенные Семенов кричал, своей сестрице зряно врать, тем, кто сидит в комнате, то Володька, которого он успел уже хорошо изучить: простой, веселый и, в сущности, беззащитный парень. Простота, конечно, но бог есть какое достоинство, простота может в повседневной обиходе обернуться как угодно, а в данном случае, кажется, уже обернулась. Но а сочетания с веселостью это было уже что-то, это был характер.

Нет, враг должен был абстрактным, решил про себя Семенов и заставил себя забыть Володькино длинное безоборное скандинавское лицо. То, что Володька поступил как подонки, у Семенова не вызвало сомнения. В чем же там он заключался его поступке, Ниинкины слезы были объективным критерием. Ниинка болела. Ниинка хотела этого так оставить неважно. А тогда во имя чего они должны терпеть в доме постороннего человека, который вынужден будет, конечно же, фальшивить и лгать, чтобы хоть как-нибудь оправдаться? Во имя чего они с Ниинкой должны мириться с этой постоянной фальшивкой, которую теплее уже не назвать?

Семенов старушку кулаком по столу с такой силой, что прилоснилась к стене, раскладывая пошутливую и грохнула на пол. На раскладку спал сам Семенов: диван в этой комнате не помещался, и Володька давно уже выделывал деньги на хляк-кровать, но Семенов все дожидался, когда в мебельный магазин приедутся кто-нибудь в этом роде исполнители.— И вот дождался. И вот же и он едет и он возвращается с соответствующими комментариями, а еще лучше молча. Это будет и честно и по-мужски.

Но деньги — это уже потом, когда все произойдет. Особых слов говорить, по-видимому, не придется: мужик он неглупый, сообразит сразу, что самое почетное — собрать вещички и уйт. «У нас не принято», — скажет ему Семенов,— у нас, видный ли, не принято...

Но что именно не притянуло, он не успел додумать, потому что цеплял замок входной двери, и коридор уже крикнул:

— Дневального не выключи!
Это означало, что Володька вернулся в отличное расположение духа. Впрочем, в другом расположении он пришел с работы лишь однажды, когда ему по каким-то так причинам не выдали извещения предания.

Семенов смеется, его затронуло, но надо было идти на встречу: глупо сидеть здесь, забившись в угол, и дожидаться, когда и тебе придут. Он встал (сердце противниково заколотилось) и вышел в большую комнату.

Володька пропал по коридору, задержался у кухни, спросил о чем-то Нику, поемдил, ожидая ответа, потом хмыкнул и решительно вступил в комнату.

— Ну, что у вас такое?— весело спросил он.— Почему тири нет стопе! Семенов молчал — не потому, что хотел выдержать паузу (это он еще не умел), а потому, что никак не расклевывался вдруг сплещише губы. А между тем заговорить следовало сразу: неприятно и жалко смотреть на человека, веселость которого не разделяет никто. Особенно тосочно видеть, как он замечает это и, все еще пытаясь держаться на взятую тонанность, острит, озаряясь по сторонам, все печальнее и глупее.

— Смирные какие-то, — засмеялся Семенов. — Я же не помер, вот он я, живой!

— Поговорить надо, — усмехнулся сказал Семенов. — Володька остро взглянул ему в лицо. В голове у него, видимо, что-то резко сработало, так резко, что он не успевая увидеть Володьку. Глаза его подслеповато моргнули, и Семенов понял: все правда, это только человек есть чего бояться.

Володька неторопливо снял пальто (но это была уже не та его замедленность, пластичная как у Жана Маре, это было оцененное, нет, мягче — задушевность), сел рядом с Семеновым на диван и, кивнув на дверь, спросил вполне зло:

— Никита захандрился!

Близость его огромного лживого тела была неприятна Семенову, и он отодвинулся. Но Володька не заметил этого: он обнял Семенова за плечи, взглянул ему в глаза. Жест этот и взгляд были нестерпимо фальшивы, фальшиво было и следующее слово:

— Ну.

— Говорить было противно, и Семенов, отвернувшись в сторону, произнес одно только слово:

— Письмо.

— Какое сразу же стало ясно и не нужно было взрослому мужику изворачиваться перед ним, мальчишкой.

— Какое письмо?— как ножиком по стеклу, послушно Семенова Володькиным голосом.

— Ты знаешь, — тихо проговорил Семенов.

— Ну, брат, — грубо сказал Володька и встал, — от тебя не добьешься толку.

Он пошел на кухню и Нику, и Семенов не стал ничего говорить ему вслед. Он был уверен, что Володька сейчас вернется. Душа Семенова была измучена этим коротким разговором, как кислотой. Семенов посмотрел на часы: полночь, и вышел на стол все усталый, и подумал спохватно и даже безучастно, что жить с этим человеком он уже никогда не будет. Сейчас он придет за дальнейшими разъяснениями, и Семенов скажет ему в лицо право и твердо:

— Вот что, приятель, здесь тебе больше не светит. Жили мы без тебя — и будем жить. Уходи — по-хорошему.

На кухне грохнула кастрюля, послышался резкий скрип. Семенов вскокинул: уж не вздумал ли этот тип кулаками размахивать! Ну, что ж, тогда все предельно упрощается. Чем лучше — тем лучше.

Спустился Володька, Семенов резко открыл дверь ногой. Дверь ударилась о стену и снова прильнула. Тогда Семенов сунул руки в карманы, вышел в коридор.

На кухне было тихо. Володька обнимал Нику обеими болтушными руками, он первый увидел Семенова, так как стоял у двери лицом, и быстро сказал что-то Никуе на ухо, тот же ее отпустил.

— Ой! — оглушительно, сказала Нику, и поправив фартучек, подбежала к плите.— Беда мне с вами, мужичками. То одного, то другого корми...

— Было видно, что ей очень нехолодно.

— Ну что, народный мститель! — весело и просто спросил Володька. — Идешь вносить письма? Правильно! Так на твоем месте поступил бы каждый. Кстати, ты обедай!

— Да, — ответила Семенов и вдруг дуррачим образом покраснел до ушей. В самый раз было бы повернуться и уйти к себе, но ноги словно приросли к полу.

— Людям надо верить, Семенов, — настоятельно сказал Володька. — И допускать здесь огромные. Огромные! — поставил он, со значением поднимая палец. — Нет никаких «от» и «до». Всегда надо верить — до последней секунды, пока тебе носом не тинут. Да даже если и тинут! Вот, скажем, придя к нам сейчас участником и выложив на стол все усталый, яви Семенов человека обграть. Ты думаешь, я поверю! Плечам поймаю и скажу: «Не знаешь, не знаю». Вы как хотите, а я не верю, и все». И Нику не поверит. Не знаешь и рассуждай!

— Ай, ну тебя, болтун, у меня сковорода горит. — не оборачиваясь, пробормотала Нику.

— По кирманам шаришь, — продолжал Володька, обращаясь уже, собственно, и неей, — выкиньте мелкие ушки — значит заранее считать человека виновным. «Вот тебе подлец каков, и ничего-то у него в карманах не завалось!» Так поведешь себя не так! То-то! А если дальние пойти — тогда любая мелочь, любая находка должна вызвать радость и облегчение: «Ну, вот, пожалуйста, пошла-так негодяй!»

Ничего не заметил Семенов тогда на Никуиним лице ни радости, ни обеспокоенности. Но если бы об этом не так говорить — только поднимая глаза и посмотрел на Володьку.

Володька и глазом не моргнул.

— Ну, что ты глядишь? — с нажимом спросил он Семенова. — Что сказать хочешь? Ничего тебе сказать, парен.

Лицо его стало непроницаемым. И Семенов испугался. Он отвернулся и, пробормотав что-то невнятное, стал ковырять пальцем дверной косяк.

— Э, вы, дети природы, — снисходительно сказал Володька и пошел в ванную умываться.

Когда полтора года назад и прочитал в «Смене» о художнике И. Н. Редько и его трудной судьбе, в памяти тотчас всплыли знакомства с ним. Это Николай Иванович Помнин, известный человек с очень добрым и интеллигентным лицом рассказывал нам, сотрудничавшим в многотиражной газете Тимирязевской академии, о бедах эстудии при клубе, которой он руководил. Мне приходилось видеть разных жалобников в те последние темные времена, когда надо было искать источники общестественности и студии. «А дальше мы уж сами», — говорил он нам трудно без вынимания. Мы дали заметку в защиту студии, поместив фотографии и биографическую справку за работой, но до сих пор я и могу себе простить того, что не взглядел от этого сиротного студийца, где Редько прожил двадцать лет.

После очерка в «Смене» я начал искать все, что связывало И. Н. Редько с академией и местностью, где она расположена. Познал я в этом отношении Николая Ивановича Помнина, который в Ленинград, в Русском музее нашел провинциальный пейзажиста Зинаиды Ивановой, написавший в манере лучших русских реалистов. На Ивановой выставке в Москве «Москва героическая» и «Тимирязевка в годы войны». Все эти картины созданы в академии, где Редько прожил двадцать лет. Я разыскал профессора А. В. Каплана, который в годы войны был главным хирургом госпиталей, расположенного на территории академии. Он много рассказывал художника, работавшего вместе с ним.

Но прошел год, пока мне удалось побывать в Польше и увидеть места, где прошло детство этого выдающегося мастера. В беседе с директором Хельсинского музея Кристиной Зайнцовой выяснилось, что имя И. Н. Редько известно и помнимо в Польше. Нынешним летом предполагается открыть выставку его работ, а на отделе пригласит из Москвы в Варшаву мастера. Некоторые польские искусствоведы (в том числе и Зайнцовой) работают над монографиями, посвященными его творчеству. В Хельме напечатаны воспоминания свиретского живописца Вацлава Березовского о детских годах И. Н. Редько.

Было приятно узнать, что в братской Польше с таким уважением и теплотой относятся к памяти советского художника. Вместе с тем зародилось чувство обиды на наших искусствоведов, которые до сих пор не выставляют на одной национальной выставке работы о Редько. О нем у нас пишут журналисты, писатели, краеведы, историки культуры, но ведь хочется узнать о месте И. Н. Редько в советском искусстве, об условиях его творчества, манере письма и многом другом, о чем можно поведать специалистам.

А КУЗНЕЦОВ,
зав. кафедрой русского языка
Московской сельскохозяйственной
академии имени К. А. Тимирязева

«Художник и характер»

В один из свободных вечеров в читальном зале библиотеки, только что погостившей рядом с моим домом, просматривая поочередно номера «Смены», я наткнулся на портреты и пейзажи художника. Бросились портреты, принятый пейзаж. Вспомнились сразу обложки выставочных альбомов в художественном музее имени Радищева в 1971 году. Группа студентов университета обступила небольшую работу Чудина «Натюрморт с фонарями». Очевидно спорили. Чудина, как я потом выяснил, не мастерскую художника (выстраивавшая слушателям музей, как туда поступал).

В иные отзвуки я прочла много теплых слов в адрес В. Чудина.

И вот сегодня еще одна встреча с художником — на страницах «Смены».

Интересны чудинские портреты, помещенные в «Смене», необычайно яркие и запоминающиеся.

И очень хорошо, что ваш журнал дал возможность миллиону читателей увидеть произведения нашего саратовского художника.

Ю. ДУБОВА,

г. Саратов

«Задумчивые глаза портрета»

В «Смене» установилась добрая традиция знакомить читателей с творчеством молодых художников. Так, в номере 4-го номера вашего журнала, по привычке заглянула на последнюю страницу обложки и долго, нам зачарованно, смотря на «Задумчивые глаза портрета» художницы Софии Абрашишовой. Надо, что на странице обложки помещены так мало работ. Вы не повелись, София, на мой отклик «Портрет Ады» — настолько это необыкновенно, удивительная картина. Имя художницы кажется воздушной, легкой, красивой девушкой, взгляд девушки спокойный, задумчивый, немая слезка припухлые губы придают лицу выражение загадочности и одновременно наивности. Что же это за портрет? Чудин, как вы называете имя, я бы наверно подумала, что это портретомница Бала, — так соответствует этот портрет моему представлению об обидной, выходящей Бале, художнице Софии Абрашишовой. Прямо обидно, что Сергей Николаев так мало рассказал о художнице: видимо, не любил ее. Но мне хотелось бы, чтобы вы рассказали о художнице хотя бы в нескольких словах. Хотелось бы узнать, что она пережила в жизни, что она пережила в искусстве, какую художественную традицию она продолжает.

Н. МУСАТОВА,

Московская обл.

О МУЖЕСТВЕ, О ДОБЛЕСТИ

С бывшим командиром 1-го гвардейского разведдивизиона, дважды Героем Советского Союза

В. Н. ЛЕОНОВЫМ

беседует специальный корреспондент «Смены»
Юрий ПЛАТОНОВ

Случается, я спрашиваю сына: — Кем станешь, когда вырастешь? И восьмилетний человек начинает примериваться к взрослой жизни. Отвечает он разное: шофером, путешественником, библиотечаром. Но в конце добавляет неизменно: ...и заместителем милиционера. — Почему заместителем? — Ну, потому, — терпеливо разъясняет он, — что днем я буду работать, а вечером сменю на посту милиционера.

Эти рассуждения не кажутся мне такими уж новыми. В них видится мне подсознательное стремление будущего гражданина к благородному поступку, к мужественному служению Родине, стремление к подвигу. Для моего сына олицетворением мужества, отваги, справедливости сегодня является милиционер. Он, так сказать, каждый день перед глазами. И службу несет трудную, а часто и прямо опасную.

У нас, детей войны, герои были иные. Каждый

день радио, газеты приносили вести о подвигах советских людей в боях с фашистами. Мы гордились этими людьми. Гордились воевавшими отцами, братьями, мечтали быть похожими на них.

Мы понимали: на войне одинаково трудно, одинаково опасно все. Но особым почетом, особым уважением и почитанием пользовались, конечно, орденосцы, и восторгом не было конца, если удавалось встретить фронтовика с Золотой Звездой Героя.

И вот сегодня я беседую с человеком, о встрече с которым мечталось давно. Виктор Николаевич Леонов, бывший командир разведывательно-дивизионного отряда, действовавшего в Заполярье и на Дальнем Востоке, рассуждает о наиболее привлекательных качествах характера — мужестве, отваге, способности к подвигу.

— Выше всего молодежь и особенно юноши, которые служат сегодня в Вооруженных Силах, привыкли видеть в вашем поколении, Виктор Николаевич, образец, пример для подражания. Это, конечно, естественно. И, однако, говоря о комсомольцах сорных годов, выше всего молодежь склонна считать, что мужественными, сильными, самоотверженными они чуть ли не родились...

— Не родились, конечно, но качества эти были заложены в большинстве из нас с самого раннего возраста. Ведь мы, едва подрастали, слышали вокруг себя разговоры о подвиге гражданской войны, о победах восстановительного периода. И участниками всех этих событий были не абстрактные герои, а очень близкие нам люди — родители, ближайшие родственники, соседи. Да и наше собственное становление как граждан, патриотов совпало с весьма яркими периодами в жизни нашей страны — коллективизацией, индустриализа-

цией, первыми пятилетками. Мы стремились сделать порученное нам дело лучше, быстрее. Я, к примеру, вместе со своими товарищами — слесарями, организовал на московском заводе «Калбр» кружок рационализаторов и изобретателей. После рабочего дня корпел над чертежными досками, обсуждали до хрипоты самые смелые проекты. Черты поколения — патриотизм, непоколебимая доблесть, высокое чувство долга — выкристаллизовались именно в эти годы.

Потому, когда грянула война, энтузиазм трудовой вылился в горячее стремление служить Родине на фронте. В помощь регулярной армии были созданы добровольческие дивизии, военкоматы были буквально завалены заявлениями от тысяч подростков с просьбой послать их на фронт. Я уже не говорю о моральном состоянии тех, кто по производственной необходимости был оставлен в тылу. Я, пожалуй, принадлежу к этой категории, хотя и служил в год начала войны на фронте. Однако так вышло, что перед самым 22 июня меня, квалифицированного рабочего, перевели с подводной лодки в ремонтные мастерские. Уже 23 июня подав я свой первый рапорт с просьбой направить на передовую. Не знаю, добился ли своего или нет, но помог член Военного совета Северного флота, лично знавший меня. 17 июля я был зачислен в отдельный отряд особого назначения, а 18-го утром ушел на первое боевое задание.

— Идеальная зрелость, революционный энтузиазм, высокообразованное чувство долга присущи советским людям, отличают их от предшествующих других общественных формаций. А вот один из столпов буржуазной социологии, Герберт Спенсер, утверждал иное. Он писал, что «...каков бы

ОСТАТ

ни был общественный организм, порочная природа граждан всегда будет делать себя знать... Нет такой политической алхимии, которой можно было бы превратить свинцовые инстинкты в золотые нравы. Как вы прокомментируете это утверждение?

— История нашего социалистического государства, наша советская действительность многократно ломали, опрокидывали подобные наукообразные теории. Нам, советским людям, вполне известны безсовестность, и потому, отвечая на вопрос, обращусь к зарубежному же источнику, в частности к свидетельству американца Моргана, которого Советское правительство пригласило в свое время консультантом строительства Московского метрополитена. Вот что писал американский специалист, определивший перед началом работ скорость прохода щита в один метр в сутки: «Мои расчеты в отношении грунта, самого щита, давления воздуха подтвердились. Я только недооценил человеческий материал — ошибся в людях, работающих на щите. Я должен отметить силу и энергию комсомольской молодежи».

— Хотелось бы вернуться к разговору об основных чертах вашего поколения и разговору о подвиге. Как вы понимаете природу героизма? Что такое подвиг?

— Думаю, что каждый подвиг, будь то боевой или трудовой, обязательно связан со смелостью, высокой сознательностью, мужеством, отвагой. И однако это лишь составляющие его, но не главное. Стержень подвига, на мой взгляд,—его общественная значимость.

Дело ведь не в риске, которому подвергает себя человек, а в результате, к которому приводит проявление мужества, отваги.

Во время выполнения боевой задачи в глубоком тылу, на мысе Могильный, горстку разведчиков окружили фашисты, численно превосходящие нас в десятки раз. У врага были артиллерия, минометы, у нас же—только стрелковое оружие. На крохотном клочке земли мы много часов отражали беспрерывные атаки врагов. Силы всех были напряжены до предела. В этот момент разведчик Штершобитц и Каргуз заминировали группу фашистов, которая не могла в силу своего положения причинить нам серьезного вреда. Однако совершенно неожиданно они атаковали ее. Изараскодова патроны, смелые люди поднялись во весь рост и с пенном «Игитационалем» пошли в атаку. В неравной схватке моряки погибли как герои. Но... ослабили наш отряд...

Теперь у врагов смелое поступке, совершенное в тот же день. Мы оставили разведчика Штершобитца на охочности мыса. Он должен был сигнализировать нашим кораблям и просить у них немедленной помощи.

В разгар боя подошли немецкие катера, высадили большой десант и пытались атаковать группу со стороны моря. Мы вели тяжкий бой и оказали помощь Рыжечнику не могли. Он совершенно один, с автоматом, гранатами и трофейной винтовкой, отражал попытки врага ударить нам в спину. По героико-комсомольцу стреляла минометная батарея, он был весь изранен, но продолжал сражаться.

Вот теперь и подумайте, можно ли приравнять поведение бойцов в этих двух боевых эпизодах. Мне кажется, нет. И если поступок З. Рыжечкина—настоящий подвиг, то гибель Штершобитца и Каргуза лишь самопожертвование, шест и героическое.

— Стало быть, подвиг и самопожертвование несомнительны!

— Отчего же! Напротив, смелые, мужественные поступки, как правило, как раз и связаны с самопожертвованием.

В небольшой долине, на дальнем севере гитлеровцы настигли группу разведчиков. С высот, окружающих долину, фашисты буквально расстреливали бойцов, которым негде было укрыться. Тогда Юрий Микеев, уже раненный в руку, попросил разрешения уничтожить вражеский блиндаж, откуда велся особенно интенсивный огонь. Товарищи отдали бойцу последние гранаты. И Юрий пошел. Враги заметили смельчачка и сосредоточили на нем огонь. До блиндажа оставалось не более 10 метров, а разведчик не мог больше бегать. Тогда он, собрав последние силы, поднялся под кинжальным пулеметным огнем и бросил связку гранат. Десетки пуль пронзили его тело, но блиндаж был взорван. Разведчики вышли из окружения.

Юрий, пожертвовав собой, спас товарищей, обеспечил успех боевой операции. Бросился под огонь пулемета он только тогда, когда исчерпал другие возможности подвигу отвести точку врага.

— Вас, разведчиков, считают чистенько народом лжкам и даже несколько недисциплинированными. Этим, случается, и объясняют успех операции.

— Есть такое представление. Даю, помню, в газетке читал о себе «Стрелу Леонова под покровом ночи ворвался на батарею и вырвал там всех егерей...» Скажу честно: погнался автор корреспонденции за дешевой увлекательностью. Рассудите сами: врагов больше, чем разведчиков, в несколько раз. Схватка острая, долгая, блиндажи, отлично вооружены. Не ночь, не лжкость, а мастерство наше, опыт, смелкака помогали решать, казалась бы, неразрешимые задачи.

— Вы упомянули мастерство. Подвиг и мастерство—разные явления.

— Обязательно. Благородный порыв, подкрепленный умением, навыком, знанием дела, помогает одолеть даже превосходящего по силам врага и избежать при этом бессмысленных жертв. В завершение рассказа о своем друге Василии Кислякове.

Отведение моряков, которым командовал Василий, удерживало соку. Случилось так, что Василий остался один: часть товарищей погибла, раненых отложили на сопке. Василий Кисляков послал за срочной помощью. Чтобы обмануть гитлеровцев и выиграть бой, Василий круговую расположил все оружие и вел огонь из винтовки, то из автомата. Долгое время создавался видимость того, что сопка занята.

Впрочем, скоро искали безвыприслы и остался у Василия последняя граната. Он затаялся, подождал, когда фашисты вновь пошли в атаку, тогда Кисляков поднялся во весь рост на гребне сопки, бросил гранату и с криком: «Вперед, в атаку!»—бросился вперед. Враги... побежали. Проворный, находчивый воин подобрал брошенное немецкое оружие. Вернулся на соку и, теперь уже вновь вооруженный, ударив в бок врага, подкрепления. За этот бой Василию было присвоено звание Героя Советского Союза.

— Словосочетание «сильные духом» в нашей беседе приобретает более объемный, более полный вид. Стало быть, самава героя должны быть не только стойкими морально, но и умными, знающими. Думаю, что не последнее место занимает и сила физическая!

Вы совершенно правы. Но, однако, подчас приходится наблюдать, что нации, давано не радостную. Пригласили меня недавно на выпускной вечер десятиклассников. Парнишка, которого вручили золотую медаль, поразил меня своим внутренним видом: сутулый, бледный. Я отозвал его в сторону и заметил, что медали он получил несправедливо: по физической подготовке больше трети ему вряд ли удалось бы натянуть. Парень не смутился, а дерзко мне возразил, что сегодня я и бою и в труде главное—голова. И что исход боя, мед решает техника.

С ним и спорить было как-то неудобно. Вид человека всегда действует прежде головой и только потом уж руками. А заключенным, физически крепким, выносливым, и сегодня быть необходимым. Представьте бойца, который не только сразу подтянется на перекладке. Автомат ему покажется тяжелым, сапоги еле от земли оторвет. Да такому любой противник за богатыря сойдет! Служба в армии, на флоте—это тот период в жизни человека, когда он складывает свои крылья, проверяется задатки, полученные в семье, в школе, на производстве. Но готовиться к военной службе, к защите Родины нужно всю свою сознательную жизнь.

Олег МОИЦЕВ

Генерал сержант

... ли по дорогам войны боевые друзья, два юных капитана, командиры противоставили Петров, другого—Коля Рыбалко.

А спустя много лет доблестный полк Николай Рыбалко напишет стихотворение «Гуки»:

...У Днепра, за мельничью старей,
Бой кипел, как в огненной котле...
Иногда издалека слышался вой харьков-
Рухи... Вы остались на земле.
Потуснело солнце в клубках дыма,
Только слышались частые выстрелы.
Другой враг—и знали парнишки:
Вело тех товарищей рук.
Шли друзья—сердца в победном ступе,
Звезды на броне и на ирине!
Ни в пути поддермывали руки—
Этих, что остались на земле.

В эти строки лишь одно неточно: Петров-то был капитаном. Замена вышшего командира,

он первым форсировал Днепр, завалив плачущим деревом его одну сторону в критический момент и в воду, пока не перерезались подкрепления, не расширился плацдарм, не отступил враг.

Там и остался рух Петрова, вытравленные по самым плечам фашистской миной.

Читая в знаке своей полка и в гвардии генерал-майору артиллерии Василию Степановичу Петрову, и ныне продолжающему службу в войсках Советской Армии!

Есть в народе такое присловье, выражающее страх и крайнюю степень бесконечности: «как без рук». А тут человек без рук, но с огромной силой, с любовью к своей Родине возвращается из московского госпиталя на фронт, в свою часть. Его, Героя Советского Союза, встречают торжественно, как восторженные поклонники.

Командир истребительного противотанкового артполка Петров с боями проходит по земле братской Польши, вступает на территорию Германии. И всегда — самими первыми — попадают на него. Таков уж род войск — истребительная противотанковая артиллерия.

А потом бой под Дрезденом... Наша армия стремительно продвигалась вперед, не давая передышки врагу. Артполк Петрова выдвинулся глубоко в расположение противника. Основные наши силы давили. Когда подождать? «Итпапоц» захватили плененых. Все как один показывают: гитлеровское командование собирает мощные танковые кулаки, вот они ринутся с расположенной передышки высоты, сомнет, раздавит, прорвется вперед... Медлить нельзя. Время сейчас — жизнь! Время сейчас — победа! Все — на высылку!

И впереди он, гвардии майор Василий Петров. Размах вражеской бронетехники, сорвано контр наступление. Через два дня ранят Петрова. О второй Золотой Звезде он узнает в госпитале. Вопросы запрещены: врачебная вновь возвращает в полк, вперед, освобождая Челюскинцев.

Все, что и узнал от боевых друзей генерала еще до поездки к нему. И то, что высшее образование получили после войны, защитил диссертацию, стал кандидатом военных наук. И до последнего дня командиром бригады.

Что же он и сам расскажет? Какой день войны называет самым памятным?

На горе, возвышающейся над городом, в конце садов много старинных домов. Среди них и эту особняк — особнячок, с металлической калиткой. Несколько окон внизу, на уровне ног, как бойницы, в узорчатых металлических створах.

Семья генерала живет наверху. Он сам — внизу, туда, как в замок, ведут крутые, сверкающие винтовые ступени. В рабочем кабинете — грубо сколоченный стол, полки с книгами, карты на стенах. В углу исеченные пулями ветровое стекло автомашин — память о бое, из которого лишь по случайности выжил невредимым. На столе — оранжеево-черный бант с солдатским серебряным «Георгием» — награда, которой в первую мировую удостоился отец Василия Петрова, и ныне здравствующий колхозник Приазовского района Запорожской области.

На столе ворох рукописей. Петров листает вторую книгу мемуаров. Первая, «Прошлое с нами», издана в Киеве.

Он высок, худощав, талия тонкая, как у юноши. Редкие седые, как латушки, подбритые виски. Протезы заправлены в карманы. Усадьба голая, рассказывает, будет медленно раскрывать по комнате, а в наиболее драматические моменты оживляются носом, салюты рывками по полу, расположение своих орудий, проводить лично расположение противника.

Итак, самый памятный день войны, который одному можно поставить целую книгу, — муромский денчик 1943 года.

Двадцатилетний старший лейтенант Петров, возглавлявший две батареи 595-го истребительного противотанкового артполка, получает приказ выйти гитлеровцев, прорвавшихся со стороны парка в Харьков. Город уже оставлен, но по плану расположения своих орудий, проводить лично расположение противника.

Итак, самый памятный день войны, который одному можно поставить целую книгу, — муромский денчик 1943 года.

Двадцатилетний старший лейтенант Петров, возглавлявший две батареи 595-го истребительного противотанкового артполка, получает приказ выйти гитлеровцев, прорвавшихся со стороны парка в Харьков. Город уже оставлен, но по плану расположения своих орудий, проводить лично расположение противника.

артиллеристов держали Харьков свыше двадцати часов, отсутствуя только по приказу.

Почему же, съев не один пуд фронтовой соли, оставшись именно на этом дню! История не называет случая, когда бы артиллеристы не только гнали стрелковые подразделения, но и шли по ним пятая, оцилиндри город. Не назвет, кроме того, о котором рассказало...

И вот когда Василий Степанович, расхаживая по комнате, вспоминал минувшее, останавливался на секунду, что носком ноги лучше пояснить, показать, а вспоминал о Боевом друге Петрова Рыбалко, талантливом поэте. После победы не смог он увидеть, каков Василек, хотя и пригласил они друг к другу при встрече, застали в долгом объятии. Николай, рослый, красивый парень, оставил на войне глаза...

Недавно я побывал в том районе Запорожской области, который ныне зовется Приазовским. 45 лет назад я, селькор, впервые увидел здесь свою фамилию под заметкой в оцилиндрованной газете.

После своего возвращения в Москву публикую статью письмо. Оно и пояснит «послеловые»:

«Мы, жители села Дмитриевки Приазовского района, обращаемся к Вам, как к журналисту, просим оказать нам содействие в большом и важном вопросе».

Мы узнали о том, что Вы встречались с нашим земляком и односельчанином дважды Героем Советского Союза генералом Петровым Василием Степановичем и прекрасно осведомлены, что родом он из нашего села Дмитриевки.

А ведь бьет-то ему, как дважды Герою, поставлен не в нашей селе, а в Тамбове.

Три года назад областная газета «Индустриальное Запорожье» поместила очерк о Петрове В. С. как нашего земляка. И «Правда» отпечатала его в обзоре печати.

В академическом издании «История мист и сля УРСР», в томе, посвященном Запорожской области, на стр. 614, где сказано о нашей районе и селе Дмитриевке, помещено фото генерала Петрова и лопатчато: «Уроженец села Дмитриевки».

Мы уверены, что надела необходимость установить бьет дважды Героя Советского Союза тов. Петрова В. С. и на подлинной родине этого почтенного легендарного человека. Это будет иметь огромное значение для военно-патриотического воспитания молодежи нашего села и всего Приазовского района.

Тысякам же земляком обидно отсутствие его бьет там, где Василий Степанович родился и где сейчас живут его родители и сестры.

Трудиться села Дмитриевки, да и всего Приазовского района, берут на себя материальные затраты на установление бьет.

Мы просим Вас поставить об этом вопрос в центральной печати и не воздержай, если советские журналы и своей статье привести или упомянуть наше письмо.

С уважением к Вам жители села Дмитриевки: председатель сельского Совета В. Рыбинский, колхозники С. Савченко, В. Мартыненко, Г. Иванова, М. Перенцианка, Т. Бабан, Ю. Мельничченко».

Мы остаюсь лишь «рашифровать» строки: «А ведь бьет-то ему, как дважды Герою, поставлен не в нашем селе, а в Тамбове. Я знаю об этом со слов самого Василия Степановича».

...Тяжелораненого Петрова переправили через Днепр. Волею нею в госпитале безупречно наладился ординариат. Придя в сознание, Василий Степанович тут же послал его в штаб части. Так в личном деле Петрова появились новая запись: родился в Тамбове. Он не хотел быть обзой ни отцу, ни сестре, не хотел, чтоб узнали о его несчастье. Он не напишет ни м слова. Пусть лучше считают без вести пропавшим. А что пережил, принимая это решение, отрывается от близких, родных или любя и не знает один он. Впервые, часа после этого решения, не выходя еще из шокowego состояния, он не мог предвидеть, что молодость, время, капитал, исполненная сила волею найдут выход из, казавшее, самого безысходного положения. А через три года и сестра его разыскала, и теперь каждое лето приезжает он в Дмитриевку.

Остается добавить: в годы молодости Петров был связан с Тамбовом. Вот почему пусть бьет дважды Героя не останется в далеком прошлом, на настоящей родине. В двух местах, как исключение, такое же речдчайшее, как вся жизнь генерал-майора артиллерии Петрова.

Сайяр

Фонтан

Фонтан резая игра,
Вода оттоком разных.
Я с восторженными каждый раз
Главу на этот праздник.

Вот, распушие плавильный хвост,
Пушистый и надменный,
Фонтан взметнулся в полный рост
Светло и дерзновенно.

Ему завидуют кто-то,
«Счастливей...» — кто-то скажет...
Затевая вечную игру,
И темятся, и плашут.

Но разберется кто к чему,
Вглядится: тягостно ему
С такой судьбой свободной.
Он шепчет мне: «Я одинок,
Я совершенно изнемог
От жизни беззаботной».

Возьмем, возьмем меня с собой
В пустыню, в края союзенный.
Провьсь нам счастие земель,
На гибель обреченной.

Пусть от дальняя вода
Травинки прорастают.
Оставь здесь свои следы,
Хоть я вода прорастаю.

А нынче что! Блескнен я,
Смелость, пою,

танцую...
Но как болит душу тоскою...

Восточных вокзалов немая печаль,
Книж непрошенных протяжная грусть,
Иногда простор или курьезный встречать,
Как сбрасывать с плеч командира груз.

И руки протянут чинары вперед,
Желая обнять и погладить вагон.
Но поезд развезет к дальние пойдит,
И вновь замолкает опустевший перрон.

Останусь в душах деревьев тепло,
Слова что мне не услоня сказать.
От новой разлуки им горло свело,
Я помню, пришло мне тебя прозывать:

Чинары в глассе отразились туюк,
К ногам твоим лист пожелтевший упал.
Мне стать бы, мне стать бы

одною из них,
Чтоб с поездом каждым тебя я встречал.

Эрнн Вахидов, Барот Байнобулов, Хусниддин Шарипов, Сайяр... За каждым из этих имен — судьба поэта, характерная для современных художников Узбекистана. Каждый из них поднимался на леса новостройки Гашиндта, в родных номерах брал в руки нетвердые и садился на транзит и с самых ранних лет юности искал себя в поэзии, милое и неуловимое, как ищет родины в пустыне. Общность судьбы сближала их с землей и друг с другом. Но у каждого между тем выработался свой, неповторимый творческий почерк. Вахидов дерзает — под его пером обретает ношу жизни газели. Теперь это не скорбный плач по ушедшей женщине или несбытшейся надежде, как это было у древних сочинителей. Теперь — газели — гимн жизни! Премия Ленинского комсомола республике Вахидову — прежде всего признание его редкого дара, уходящего нормами в народное искусство. Байнобулов ищет себя в философской поэзии. Шарипов обаянн бой, красноречив, «сладкопевен», как он выражается. На него заметно влияние омазда поэтама Слуцкого, и он не скрывает этого. Сайяр держан в лирических стихах, нередко сувор. И это тоже важно и такое талантливое. Новаторство и поиски молодых поэтов на древней земле — явление старинное, очень и очень заметное в жизни узбекского искусства.

Перевел с узбекского Александр ГЛЕЗЕР.

Рисунок Василия АЙРУМЯНА

Эрнн ВАХИДОВ,
лауреат премии комсомола Узбекистана

*

Поиню, в шапке как-то руку подняя я
И спросил (то было двадцать лет назад):
«Если правду вечно кружится земля,
Как же люди красньюю не летать?»
Взял тогда учитель мою ведро с водой,
Стал вращать его, кружить что было сил.
И ведро легко летало над землей,
И ни капли он на землю не пролил.
Миню образ тот навинный не забыл,
И горой мне даже кажется, что мур,
Как ведро с водою, кружится, летит.

Я же капелка воды... И каждый миг
В беге вреленн вращается мне даню...
Пусть устану от всемирных скоростей,
От напора воли высоких —
все равно.

Не могу остановиться, хоть убей!
Вег стремительный динует скорость мне,
Сквозь меня она прохондит — и кружит!
Если толку задержусь — прдет конец:
Словно капля, упаду я, испарюсь...

Дороги

С каждым годом
я старше на год,
И с дорогою каждой
взрослею,
Потурай выхожу из ворот
И расту с тополиной
аллеей...

На реке,
и в лесах,
Ежечасно свой рост
ощущаю.
О дороги,
не раз
и не два
Я у вас попрошу
вдохновенья,

Подскажите, дороги, слова,
Подарите в путь обреченных.
Помогите познать белый свет,
Покажите и счастье и бедь,
Если скажут, что вырос пост,—
Вы меня превратили в поэта!

Барот БАЙНОБУЛОВ

Хусниддин ШАРИПОВ

Зеница ока моего

Учителю МИРТЕМИРУ

Для ресниц светленьких негасимой,
о зеница ока моего,
Видеть ложь тебе неважною,
о зеница ока моего.
Но глядишь в глаза моей любимой,
о зеница ока моего,—
Ты печально горькою томима,
о зеница ока моего.
Ах, зеница, если не смогу я
взглядом дали дальние открыть,
Ах, зеница, если не смогу в
горы, словно дьявол, открывать,
Если не сумею боль чужую
разглядеть и словом облегчить,—
Для чего, бесполощущий, живу я!
Лучше мне поистине не жить!

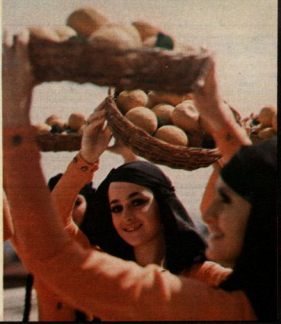
К счастью, честишь дел свершил немало —
Ты свидетель их, ты не соплещь.
Скольким ты, зеница, ободряла!
А сегодня вдохновенья ждешь...
Если на бумагу не уадасть
Твои неповторимый свет пролить,
Если буду таежно в старости
На земле моей добру славити,
Если не смогу в сердца людские
Я пналь, полные любви,
Перелить,
то, стало быть,
пустые
Строки вдохновенные мои.
Как ты смотришь далеко и смело!
Если за тобою не поиду...
Значит, сердце старость ододела
И согбенным старцем побреду.
Если не любимой, а случайной
Женщине я душу распахну.—
Значит, мамо жизнь прохондит, ммю —
И тогда в немислимом отчаянье
Я себя, зеница, прокляну!
И, неуверный для земли родной,
Жизнь свою отыню не любя,
Пропошу, зеница, я тебя
Вытечь,
вытечь,
вытечь
поскорей
Из моих погаснувших очей!

Спокойным было море

Спокойным было море. И оно
На поле походило, что вспахан,
Но не успели до сна мор ежа
Борознать. И там затопил ветру
Своим большим, тяжелым утюгом
По волнам осторожно провеств —
Морщины складил... Он подул, и тут же
Варуг понатились волны —
За одной полста волна зеленая другая,
Как мускулы тугие силча,
Нежданно забурораженные чей-то
Чужой рукой — ее прикосновеньем,
«Как ты нетерпеливо!» — прошипел
Надменный ветер и холодным пальцем,
В крышон согнутым, постукая по лбу
Взмутнувшегося моря.
Ну и ну...
О море, море!
Как оно вскричалю!
И, заставив, кудлатой головой
Ударило по челости бескровной
Озлабленного ветра.
Началось...
Мне лучше бы отлохнуть,
чтоб не видеть,
Я боли не испытывал бы...
Ветер
Всюю грохочет, завывает море,
И волны ветра
с волнами морскими
Сражаются — друг друга неступенно
Теразот,
мнут...
И если бьет о берег
Одна волна, то треск стоит такой,
Как будто у другой рубаха рвется...

Почудилось, что инке стало небо
И облака сбавили, чтоб найт
Спокойной место.
В углоках укромных
Укрылись чайки белые от бурь.
А рыбак, бедный рыбак каково!
Куда ни деться, спрятаться некую!

НАШ ШАД ПО ЗЕМЛЕ

Теймураз МАМАЛАДЗЕ,
Мирослав МИХАЙЛОВ (фото)

Сома их почти никогда не заставишь. Афиши читаешь, как письма, которые уже не надеялся получить. Телегайная скорпись изобилует метафорами: «Нью-Йорк, шквал аплодисментов в «Метрополитен-опера», Лондон, триумф в «Элизабет-Холде...» И уже не видишь никакого преувеличения в названии фильма о них — «Мир аплодирует».

Отзывы иноязычных авторов о Государственном ансамбле народного танца Грузии могут составить не один том. Недавно была предпринята попытка собрать воедино многочисленные рецензии на концерты этого коллектива: в Тбилиси вышла посвященная ансамблю книга. Я читал восторженные отзывы критиков и вспоминал человека, который сумел в одной фразе выразить суть грузинского танца.

Было это на ярмарке в большом хачетинском селе Водбасхени. Я шел с аяланскими овцеводами из Ширакских степей в горы Тушетии. Переход был трудным, и вот в кон-

«КОЛХОЗНАЯ СЮИТА».

●
**МАССОВЫЙ ТАНЕЦ
 НАЕЗДНИКОВ «МХЕДРУЛИ».**

●
**ХОРОВОДНЫЙ ТАНЕЦ
 «КАРТУЛИ».**

●
**ГРУЗИНСКИЙ ТАНЕЦ
 «САДРБАЗО».**

не его, словно в награду за долгий путь, — прима, нестра, шумого-лоса. Пастуки ходили меж рядов, прищипывали к буркам и кушинам, связкам перца и пластмассовому ширпотребу, молча укладывали покупки в переметные сумы и молча вадымали стаканы в терпком полумраке колхозной «вин. точки». Неожиданно, наводя порядок в суметине звуков, дробно пророкотал барабан — «доли», и они, переглянувшись, опустили стаканы, оправдали пояса и не спеша шагнули в освещающий полдень Водис-хви. Пробились сквозь толпу и остановились у самой черты круга. Отрешенным взглядом смотрели они на танцующих и вдруг, неуловимым движением сдвинули на лоб папачи, ворвались в круг. Застыли на мгновение, чтобы тут же взорвать страстную эту неподвижность... Сколько это длилось, не помню. Расступилась толпа, пронутила их, и они пошли к своим лошадям, тяжело дыша и отирая папачами пот, и в каждом их шаге, усталом и упругом, продолжал бугтовать танец. Старенький

вожак наш Габро Кахондзе поглядел вслед своим товарищам, округлив движением руки соединил горы, бастыном Сапгахской крепости, храм на vittoria, залетавшую над толпой песню и сказал:

— Вот эти строения — мы сами, эта песня — наша душа, наше сердце, а танец — наша поступь, наш шаг по земле.

Вот ведь как: поступь, шаг...

Маяковский писал, что тбилисца можно узнать метром за сто по походе. Это действительно так. Я безошибочно отличаю своего сопотряжника по походу — небрежная неважинная, неторопливая, чуть-чуть картинно вымазывающей. Должно быть, так ходили карагелы, амкари — члены средневековых объединений городских ремесленников, творцы городского фольклора. Сегодня мы видим их на полотнах Пирсомани и Гудиашвили. И исполняемый ансамблем танец «Джебраин» с блистательной Нино Рамшвили в окружении благородных рыцарей братства — тоже от них. Вырачивая, я бы сказал, лукавая походка разносчиков фруктов и зелен — книга; жесткая, быстрая и одновременно исполненная внутреннего достоинства походка игрока в «дело» — гурийскую игру с мячом; сдержанно гордая поступь хевсура, превращающего схватку с соперником, лишь только жестикуляция повзвонит бросит меж ними головной платок; жертвенно неукротимое движение воина, готового к битве с врагом, воплощенное в чеканном рисунке «Коружи». Творя свое искусство, народ выражал себя в зодчестве, в мелосе, в темпе. Ансамбль народного танца Грузии, руководимый народными артистами СССР Нино Рамшвили и Илико Сушвили, открыл нам неисчерпаемое многообразие этого удивительного мира. Но, наверное, мало сказать, открыл. Восстановил глубоко национальную музыкальную и сюжетную основу его, ввел в жизнь современника как необходимую составляющую его творческого бытия.

Они работают до изнеможения. Кажется, вовсе не так отчетливо беззащитной метром «доли» — услужлив, которым нет конца на пути к совершенству. О грузинском танце говорит: «Вихревой, темпераментный, динамичный». А он в первую очередь скульптурен, и, каким бы стремительным ни был его темп, недопустима смазанность жеста, неотчетливость движения. Неумолимые Нино Рамшвили и Илико Сушвили, как ваятели, отсекают все лишнее.

...Южный неф кафедрального собора Светицховели в древней столице Грузии Мцхета украшен фреской. Художник не побоялся прослыть еретиком. В храме он живописал радости земной жизни. Он изображал необыкновенно красивый мир и в поисках натуры обращался к окружающему. Цветущий луг. Корабль на бурных волнах. Зодчий с моделью храма. Танцующие девушки... Не «Самая» ли это, танец, о котором говорят летописи? Пусть древние святки не сохранили описания хореографии, но движение, душа танца — так зримо они в древнем рисунке! Фреска оживала. «Самая» вошла в программу ансамбля и в нашу жизнь.

В искусстве каждый ищет, находит, открывает свое. Давнишний мой знакомый, строитель высотной арочной плотины Нигури — ГЭС, как-то признался мне: «Когда я смотрю, как они танцуют, я вижу не только самое хореографическое — вспоминаю своих товарищей, сумевших выразить себя в осмысленном благородном движении, в своей поступи по жизни».

ИМПЕРИЯ

Анатолий КСЕНИН

...ЛЮДИ БЕЗ ДОМОВ.

от разговор мне показался случайным, и я не придавал особого значения словам Кристины Вашингтон, считающей обычной любовью иностранки. А речь зашла о городах, которые ей больше всего нравятся. С почти детской настойчивостью, напоминающей игру «самый-самый», я спрашивал у Кристины, какая столица ей нравится больше всего. И она, помедлив, словно вставив все «за» и «против», сказала:

— Москва.

Из уст американки, живущей в Канаде, слышать такое признание было неожиданным.

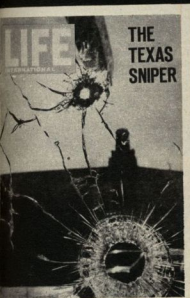
— Почему? Есть какой-нибудь секрет такой привязи?

Она усмехнулась.

Секрета нет. Ваша столица красива, как красивые многие города мира. Но в Москве, как нигде, я могу и днем и ночью бродить по любой окраине без тени страха...

Это признание Кристины, поедившей по миру, знавшей шесть взлетов и усленно занимавшейся изучением

седьмого — русского, стало до конца понятным только на следующий год, когда мне самому пришлось столкнуться лицом к лицу с американской преступностью. Тогда-то слова Кристины, дочери не бедного человека, который мог позволить себе роскошь ограбить дочь от анотиче неприятностей, таившихся в стране, полной социальных конфликтов, зазвучали с особой значимостью. А ее русское, будто встреченное где-то под Курском, а не в Монреале лицо вспомнилось, освещенное той тревожной сосредоточенностью, с которой она за-

THE
TEXAS
SNIPER

ОБЛОЖКА НОМЕРА ЖУРНАЛА «ЛАЙФ» С МАТЕРИАЛОМ О «ТЕКССКОМ СНАЙПЕРЕ» — ОКНО, ПРОВИТОЕ ЕГО ПУЛЯМИ.

ситуалась, прежде чем назвать свой самый любимый город. И непонятный оттенок выражения ее лица стал ясен: это были отсветы внутреннего страха перед непонятным, многоликим, многоопасным большим городом Запады, в том понимании, в котором они предстают перед американцем, когото статистика считает средним.

И какущиеся иногда нам смешным меры предосторожности вдруг обрамляются второй натурой американца. Сназем, он никогда не возьмет с собой наличных денег больше

ТАК НАЧИНАЛ ЧАРЛЬЗ УИТМАН...

СТРАХА

ДОМА БЕЗ ЛЮДЕЙ...

необходимого минимума, дабы не оказаться жертвой ограбления в собственном лифте, когда двое дюжих молодых, ввязе за галстук, вытравнут из карманов все содержимое, а потом выйдут на второй этаж, отправив жертву на последний беспомощно выть в холодной стальной кабине. Отсюда и бензиновые карты на тысячу лигров — платишь раз, а при запрете лишь проваливают талон. Отсюда кредитные карты... Отсюда американец, даже приехав в Европу, почти автоматическим, выходя из машины, открывает ящичек для мелочей в са-

лоне лимузина, чтобы неведомый грабитель, заглянув в окно, убедился сразу, что в эту машину лезть не стоит. Именно в силу этих и других причин там процветают странные компании, берущие свое название все от того же слова «страх»...

Даже американская официальная пресса вынуждена признать, что сегодня американские города и пригороды охвачены настоящей малозаметной, но объявленной войной с грабителями и налетчиками. Все чаще и чаще дома американцев начинают терять облик жилых помещений, пре-

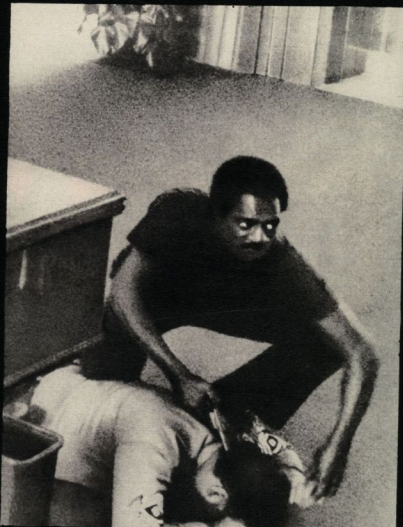
вращаясь в нечто подобное фортификационным сооружениям.

78-я стрит в Нью-Йорке отнюдь не особая улица, в действительности это один из богатых и безопаснейших районов. И тем не менее в доме, показанном на фото, 17 из 24 квартир были ограблены. Вход в квартиру 25 скорее напоминает дверь в тюремную камеру: решетка, пять замков, два глазка, зеврон, болты, засовы.

Но, несмотря на все умирщрения жильцов, волны грабежа проникаются до 78-й стрит до самых центров

Манхэттена. Другие крупнейшие города Америки еще больше страдают от организованной преступности, от неорганизованной, стихийной, вызванной к жизни полуголодными существованием миллионов обездоленных. Кражи, кражи, кражи... Уличная преступность проникает все чаще за двери частных квартир—вламывается в холлы, карабкается по пожарным лестницам, проникает через глухие окна, крадется по карнизам соседних домов. Страх перед преступником как бы формирует особый уклад жизни за ставленными дверями. И покаяние, неуверенность обостряется чувство страха, обостряется уже с самого детства всеми средствами пропаганды и многими характерными особенностями американского быта. С детства ребенка окружают «страшные» игрушки: американские детские магазины скорее наполняют арсеналом страны, давно и зыбко готовящихся к бесконечной войне. Космические фильмы, построенные на насилии, выстрелах и трупах, подросток поглощает с регулярностью лекарства при туберкулезе, заболеваниями. По мере того, как американец подрастает, на него обрушивается все более мощный поток «франкочасных» «покетбуков» — карманной литературы, буквально напихиваемых сайдсм, убийствами, кошмарами.

И тогда многие свои житейские проблемы американец начинает решать с помощью оружия. Это делается и в общенациональных масштабах, скажем, при разгоне негритянских демонстраций. Это делается и в частных конфликтах: один из видных калифорнийских писателей спокойно застрелил негра-шофера, случайно поставившего свой автомобиль на лужайке перед домом белого литератора.

СНЯТО С КРЫТОЙ КАМЕРОЙ — ГРАБИТЕЛЬ УГРОЖАЕТ ОХРАННИКУ БАНКА.

ВЕЧЕРНОМ НА СТОЛЕ У БАНКОВСКОГО СЛУЖАЩЕГО...

рых технические приспособления «привязывают» телевизор к радиатору отопления.

И, наконец, именно тогда приходится жильцам многоэтажного дома, продолжая извечную американскую тяготение к индивидуализму и замкнутости, собираться вечерами на диване, чтобы поговорить о последних гостролях знаменитой театральной труппы, а чтобы обсудить насущные проблемы личной безопасности, решить, как сделать дом действительно крепостью, которой на сегодня он остался только в любовной поговорке американских индивидуалистов: «Мой дом — моя крепость!».

ДОМАШНЯЯ ХОЗЯЙКА НЕ ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ СПОКОЙНЕЕ И ЗА РЕШЕТКОЙ НА КУХНЕ.

«КАК БУДЕМ ЖИТЬ ДАЛЬШЕ?» — ВОПРОС, КОТОРЫЙ ВОЛНУЕТ СОСЕДЕЙ.

оборва пуля полицейского активную деятельность снайпера.

И тогда приходится банковскому служащему, сидя дома над финансовым отчетом своей фирмы, положить на рабочий стол рядком с авторучкой зарплатный чек.

И тогда вынужден молодой рабочий, прежде чем съехать из а без того дорогой квартиры, закручивать колючим проволокой все подходы по карнизам к своим новым обителям, врезать десяток замков, понуять баснословно дорогие электронные сторожа, намертво, с помощью хит-

И тогда убирают президентов не путем выражения ему вотума недоверия, но выстрелом трагический спектакль убийств Джона Фидельса Ральфа Кеннеди и лиц, имевших к убийству хоть какое-то отношение, навсегда остается черным пятном в истории американской демократии.

И тогда появляются патологические типы вроде «техасского снайпера». Будто вырвавшись из любовной истории кошмарных франкоамериканских фильмов — простой американский парень Чарльз Уитман поднимается на баранье административного здания, карающего над Техасским университетом, и устраивает любовное, порезавля просто так, за здорово живешь тридцать пять своих соотечественников. Он перебил бы и больше, не

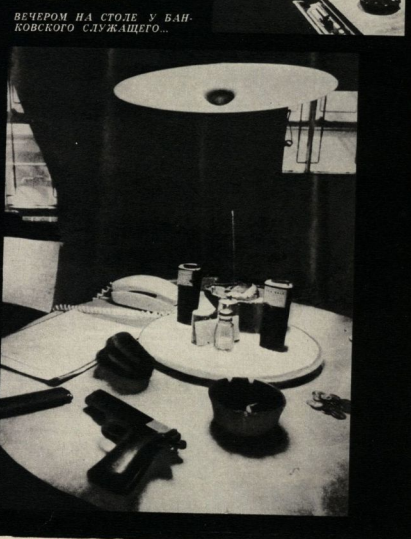

Рисунок: Геннадия НОВОЖИЛОВА

РЫЛЫЕВ

Альберт ЛИХАНОВ

Так вошел он в мою жизнь. Вошел через посредника— мою бабушку. Вошел словом, а не книжной страницей. Может, оттого и испытываю я к судьбе и стихам этого человека не просто, а именно вполне— личное отношение. Может, потому нет-нет да и возьму я в книжной полке томик его архаичных ныне стихотворений и погружусь в них с удивлением и с горечью и горечью, потому что стихи этого поэта, а особенно его *судьба* отличительны и необычайны в сравнении со всем тем, что было рядом с ним, тогда яرداد был, к примеру, Пушкин.

Да, время уродило: называется поэтом в одну пору с Пушкиным было тяжело, и хотя у каждого из его рифмуемых современников существовало свое для истории личное, поэты создали оборот: поэты пушкинской поры. Рылеев был среди них. Пламенная звезда Пушкина затмилась его поэзией.

Взгляд издалека из нынешнего далека. Взгляд беспристрастный. Но всякий раз, когда я думаю об этом, все мое существо протестует против сей исторической беспристрастности.

Вспомню, где и как начинался Пушкин: «...Благородно— людинашка муза, благослови: да здравствует лицей! Наставником, хранившим юность нашу, Всем четким, и мертвым, и живым, И уста姆 подъявъ пружину воздадим: но для историка, людинашка муза, благо: да здравствует лицей! Скольнико не вспоминал бы Пушкин лицей, это будут всегда слова благодарности. Его гений осязался лучами окружающего его воздуха. Вспомню хотя бы один эпизод его лицейской жизни: чтение стихов на выпускном экзамене и одобрение Державным. Державный! «Людское и дружество» — два слова, употребляемые Пушкиным, позже, в послании сибирским изгнанныкам, были в юности его двумя слепцами, без которых, мне кажется, не мог бы взойти такой удивительный талант.

Любовь и дружество... Кондратий Рылеев в шесть лет стал, в сущности, сиротой— при живых отце и матери. В шесть лет его отдали Петербургу, в шесть лет он потерял только порывается, как без любви и дружества, брошенный младенцем в пучину армейской муштры, этот человек сформировался поэтом, а не военным, не принявшим типичный удел пушкинского подчиненца бытию.

Рылеев провел в корпусе более двадцати лет, и каждый день из томонок и чернильных ящиков офицерской службе во имя чары— отечество называлось вторым. Ранняя муштра и раннее одиночество слагают в моем представлении образ мальчишки в кадетском корпусе, а именно: благородного к добродушному слову и добродушному действию. Ненависть к несправедливости, вернее, первоотказ к этой ненависти, изначально— предтеча несправедливости рождается по-моему, от детской незащищенности. Архивы сохранили нам письма юного кадета к отцу, отставному полковнику Эстляндского полка— месточуждый, суетливый, неуклюжий.

Первая строка одного из писем не может оставить равнодушным: «Дражайший родитель!» Вот уже почти три года, как не имею я от вас никаких известий. Мысль писать писем, но не получая на них ни одного ответа...»

И еще строки— из писем к матери, три года спустя:

«О дражайшая матушка! Неужели бо не слышат твои свекловичные, плененные молнией, затопляемые толом моря, твои плачущие, восторженные и НЕМУ? Вы лишите, дражайшая матушка, что не измечет у вас денег, а вы не будете снисходительны к моей драгоценности, сыновнее сокровище— ваш портрет! Я бы хотел видеть вас, матушка! Я, право не нуждаюсь, в деньгах, ей-богу, не нуж-

даюсь, растрастается только выучитесь портрети!»

Жажду любви, духовной близости, родственности, родственности к Рылееву и скудость всего этого с родительской стороны... Как грустно это, как печально...

Во времена дати 1812 году Рылееву семидеять лет. Российское государство испытало: Бонапарт преследовал в кованых сапогах по головам святой Москвы. Бородино. Кутузов. Почти афинский Денис Давидов. Смыслы, но ни чем другим, как только тем, что буду иметь я счастье приобщиться к числу защитников своего отечества, цари и алатыри земли нашей...»

«Моя лета и непомерный успех в науках,— пишет он отцу,— дают мне право требовать чин офицера или лейтенанта. Но я желаю молодых людей до баушки, и который мне так же хотелось бы, но ни чем другим, как только тем, что буду иметь я счастье приобщиться к числу защитников своего отечества, цари и алатыри земли нашей...»

В письме матери, помеченное 1814 годом, он вписывает строчки уже менее оптимистичные:

«На что высший чин, богатства, На что и множество крестов, И на что, воем не принятием, Когда душевно нездоров.»

1818 год. Ему уже не семнадцать, но и всего еще двадцать три. «Человек родился не для других только, он должен заботиться и о себе,— и потому, кажется, довольно для государя пять лет почитать начальником. «Да! Для нынешней службы нужны подделье, а я к счастию не могу им быть и по тому самому ничем не выигрив.»

Напомним, что в последующей главе жизни и трагической жизни Черновы стучат из заметок о Наполеоне: «Тако мужество захватили все власти и прудобудили народы. Цари, уничтоженные тобою, восстали на твою славу, и народы низвергли тебя. Ты пал— но самовластие с тобою не пало. Оно стало еще тягостнее, потому что досталось в удел многим. Народы не могли вынести и Орго! Народы сделал попытку свергнуть его деспотизм. Цари соединились и силою старались задуть стремление свободы. Они торжествуют! И теперь— после мучительных усилий. Но так затихает Безумный эпизод.»

Между этими выкладами двенадцать лет. Немного, но это, в сущности, все сознательное в жизни Циты, вырванное из писем,— лишь пунктир, в чем-то, естественно, условный, но все же диалектика убеждений тут означена: от пылкого, юношеского восторга к озабоченности и, наконец, к последнему строчку.

Прислушайтесь, как звучит: «...так затихает Безумный!»

В 1814 году прапорщик Рылеев, пройдя науки в кадетском корпусе, принимает участие вграничном походе. Польша, Пруссия, Саксония, Бавария, Франция, Швейцария. Многие годы участия вграничном походе, когда с востанием на Сенатской площади был покончено и начато последующее восстание.

С которого времени и откуда задан имеем я свободный образ мысли?»

Рылеев ответил:

«Свободомыслием заразился я во время походов во Францию в 1813 и 1815 году, потом оно постепенно возросло во мне от чтения разных современных публицистов, как-то Биньон, Бенжамин Констан и другие...»

Рылеев, конечно, опираться самому Рылееву, но Биньон, Констан и бесцензузные дискуссии в Париже— не маловато ли этого для личности такой судьбы, как он! «Свободный образ мысли», как выразился Бен-

кендорф, не модное платье, его не привезешь из Парижа в чеподне, что, может, и хотелось бы публике, впрочем, пованом балу. Живши в нужде, с детства узнавший лишения, он не мог не видеть лишений других, не мог не видеть несправедливости и гнета. У него бы применительно одна история...

И Рылеев был двоюродный брат, поручик лейб-гвардии Семеновского полка Константин Чернов, сын бедной ремесленницы Пашкиной. Чернов и Тайное общество, Чернов пошел на свое братство и судьбой и взглядами: равнодушие, отращение к несправедливости, ненависть к высшей аристократии, любовь к демократии, не распространял так, что в бедный дом Черновых ворвался двадцатилетний аристократ-гусар, филигерный секретарь Константина—девушка необычайно красивой. Перед оленьимн любовью аристократом не было никаких препятствий— он увлек красавицу, дал ей слово гусару, добился права жениться. Жениться не состоялось. Гусар обещал сдержать слово, однако выдумывая различные проволочки. Оскорбленный Чернов пришел к Рылееву и попросил помощи Константина. Десять-Сентябрьское утро было прозрачным, но влажным и едва туманным. Приехали еще в преддверии желтой мглы, но дожидались, когда взойдет солнце. Едва выглядели, Чернов и Рылеев решили начать. Чернов был бледен, у Рылеева вздрагивали губы. Листва, беззвучно кружась, ложилась по ногам. Рылеев пожимая руку отцу и матери, вывел Чернова из двора. Пошли через барьер, при дистанции в восемь шагов с расходом до пяти. По условию дуэли кончался первую раной при четном счете стрелы в живот Чернову. И Чернов и Новосильцев убиты.

Рылеев бросился к брату. Желтые листья были измазаны кровью. Поднялись плачущие. Рылеев вынул из кобуры обманчат. Лошадь несла, цокая копытами, по мостовой Выборгской застава...

Противники скончались оба, но смерть Чернова была неслучайным обстоятельством. Его похороны превратились в демонстрацию. «Более 200 тысяч проважилось пешим»,— писал современник. Другой выразился определеннее: «Почти сказать, как множество проважилось гроб до Смоленского кладбища; все, что мыслило, чувствовало, соединилось здесь в безмолвную процессию, и все едино выразило сочувствие тому, кто собою выразил идею общую, которую всякий сознавал и сознательно и бессознательно: защиту слабого против сильного, скромного против гордого.»

Секундант стоял возле гроба. Слезы дрожали в глазах. В голове толпились строчки. «Являемс чеством и Черновым. Да, Чернов— безумный, но не чернов». Вернемся на записные товарище.

Являемс чеством и Черновым— Вראה и брань времянцам, Царей, трещущих рабым и востовым. Изъянам! Изъянам! кровя за поруганья!

«И не отменяя стихи! Питомцы пришлюсь презрительны! Мы чужды им, вы идущием на вы!» — Дитя от нас отчужденным.

И прах твой будет помянутым И прах твой будет в стихи и срам. Чернов— безумный, но не чернов. Свободомыслием кровя за поруганья!

В мае сентябрь 1825 года. Оставаюсь в Москве. Когда сегода секундант сам станет по отцу старому барьера. С тем же исходом. Впрочем, это неверно. Упадет только он.

Однако вернемс назад, к петербургскому декабрю 1825 года. По трассе самопродерстой выходной

и вошел в меня незваный и через школьный ученик, но не на уроке, к которому надо вызубрить эстимики.

Шаг вояка, сорок второй, я уместил в первую очередь. После школы, по выходящего слупка с редкими ядрами перловки и вычура урюка, я рисовал коробники на газетной бумаге, а бабушка шила голубые адбраненных, лежавших в госпитале. Сначала она строчила своей машинкой, пели же и всякие мелочи доделывала вручную, иглой. Было тихо, только постукивал ходик. И часто в этой тишине бабушка вдруг начинала читать старинные стихи. Больше других мне нравилось по Ивану Суусуну, а я заставлял бабушку повторять их вновь и вновь.

— Куда ты ведешь наст,— не видно ни арга! — Суусуну с сердцем выскрибли,— враги! Мы являемс и тодем в сургучном снега; Нам, зная, не добраться до ноюгда.

Суусуня я видел на картинке, висевшей в школе. Это был старик, в высокой шапке и с бородой, подожжанным кушом, в тулупе. Вокруг него стояли враги с обнаженными кривыми саблями, а старик не боялся их, смотрел открыто и прямо. Бабушка пригнулась ко мне, как бы соведняя его с тем, что выделось его в стихах, и я следовал за нею.

Склонившись урюгом до самой дубристу стену из чучулы слевели. Божия настороже ревоную уюх. Все в том заловались и мертво.

— Куда ты завел наст,— лях старый вскричал.

Голос бабушки постепенно становился жестче и громче, а потом звенел, как звенела обманчат сабли. Бабушка зашевелила в комок, трепещущая, страшась и превозмогая своей страх.

«Злодей!— закричали враги, Уырешь под мечиким!» — заинев.— «Не страшен вам гений! Кто русский по сердцу, тот добродушен, и радостно гибнет за правое дело!»

Я не понимал некоторых слов, но знал, что такие ялих и что такое вотце, но не спрашивал об этом бабушку. Таинственные слова и выражения придавали стихам торжественность и глубину. Кто написал эти стихи, я тоже не спрашивал: это меня не интересовало, я даже думал иногда, что их выдумала бабушка. Меня заиневало другое: как сплести из слов, как сделать, чтобы они не погибли.

История и время путались в голубое, но стихи рождались чувства. Чувства, продиктованные именно теми временами— знойной сорок второго, и трепещущими и востовым урюком. Много позже узнал я, что стихи эти написаны Кондратием Федоровичем Рылеевым.

паприцка Рылева, печатавшего в «Новском зрителе» стихотворение «Я времечку».

Надменный вренчанин, и поодный и новарный, монарха хитрый лысый деловой, неглаженный, немытый тиран робкой ступней своей, занесенный в важный сан промывающий злодей.

Поэт, правда, «подражал» Персевой, но в отличие от него, что и следует из титула Столица восторженно перешагивалась. Ждали репрессии. Судьбу паприцку считали предешеной. Наперник Александру, действительный тайный советник Романов еще не имел такого прокурора. Впрочем, драма обернулась комедией. Арачеве, узнав наяву, пожелавшая на цензурную, пропустившую список, А. И. Тут генев, решающий дело, ответил ему: «Так как вы здесь сителство... требуйте, чтобы я отдал под суд цензора и цензурный комитет за оскорбительные для вас заявления, то прежде чем я назначу следствие, мне необходимо узнать, какие именно выражения принимаете вы на свой счет?» Всесильный Арачеве предложил пропустить писателя, а сам выиграл поединки с властелином. «Это был первый удар, нанесенный Рылевым самостоятельную», — пишет поэтское его друг и соратник Александр Бестужев.

Думал ли так сам Рылев? Наверное, думал. От победы отказывался трудно. Но, мне кажется, в глубине души, про себя, и если не в 1820-м, а в 1821-м, он уже представлял себе Петра Павловича, ему не могла не прийти мысль об условности этой первой победы. Он не победил Арачеве — вренчанин устоял ему. Бестужев удерживал от дальнейших действий, удар был глух и слаб; безнаказанность дерзости не доказывала возможность цензурных обвинений. Напротив, исключение из правил, которое подарило Рылеву, — «возбуждал доблести сограждан подвигам предков». Так означал Александр Бестужев смысл рылевского «Дума», группы исторических пьес, драм, трагедий, посвященных патристическому наследию поэта. В обращении к истории — истории не вообще, а главным образом историческим личностям, символизировавшим борьбу русского народа за освобождение — видел Рылев величайший гражданский смысл. В потопе похвал современников резким диссонансом прозвучал голос поэта, указавшего Рылеву путь к литературе — небрежности, к исторической неточности в «Думах», Рылев, получивший замечания своего гениального современника, истинно «Дума» переосмыслил. Я думаю, тут не в неуважении мнения Пушкина, нет. Просто историческая поэзия была для Рылева способом выразить комплекс собственных, но не чужих идей, переосмыслить, Олег, Савтослав, Мстислав Удалой, Дмитрий Донской, Ермак, Жук Долгорукий, Марфа Посадница, Богдан Хмельницкий, Суворин для него не просто галерея царских портретов, но символ героических проявлений народа. История для Рылева становится не предметом поэтизации; на историю России он указывает перстом с указанием на недостатки и восторг. Знаю, в рылевскую творческую задачу в качестве главного мимолетно подставил формулу, высказанную Петром Вяземским: «В наше время надобно не только стоять на ногах, чтобы напугать и усвоить жизнь новую, но и отучить от нее розовые, которые ей дались с колени-пренебрежением». Да, искусство и поэзия во много лишний раз напоминают Рылеву уступают политическому содержанию, тенденции, намеку. Это он, Рылев, первый сказал о

себе, ставя во главу угла существо своих исканий: «Я не Поэт, а Гражданин. Слова самованни он пишет с прописной буквой, ставя между ними уважительное равенство. Много позже Некрасов уточнил эту мысль: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан», — и в то же переличке видится глубокая внутренняя связь. Впрочем, рылевский отказ от звания Поэта был скорее символическим; он лишь подтвердил тот преобладающий гражданственный перед чистой поэзией, оставив нам немало прекрасных строк.

Тут же Суворин, и пример. А мне не помню, что эти строки из «Дума Рылева» «Смерть Ермака»:

Рылева буря, дождь летали; во мраке молнии шумели; беспеременно гром гремел, и огни в дебрях бушевали. Но слава страстно дыша, в дыме суровой и угрюмой, на дином бреге Иртыша, Сидя Ермак, обхвывая думой.

Сколько здесь и истинной поэзии, и страсти, и мысли! И тем не менее на первом месте над него идея. Во всем было готово помертво в ритм и поэзия и жизнь.

И тут покажутся два письма. Пушкина и Рылева.

Отнавшись на статью Александра Бестужева о политическом сознании поэта, Пушкин, охладевший к волюнтаризму своего времени, затевает спор о пользе для писателя «оборудования» правительством: «Причина ясна. У нас писатели востают против власти. Бывшая Анастасовская гордость сливается у них с агоническим самолюбием. Мы не хотим быть в подчинении равным. Вот чего поддел Воронцов не понимает. Мы не хотим, чтобы русский поэт вставил в его чередиле с посвящениями или с одою, а тут является человек, который не знает ни истинно-истинного дворянина, — дворянского разряда».

Рылев ответил:

«...Что обиднее необходимо не то, что ты тайдала бы давал для гения, а утвердил, что гений еще до подлучения твоего писания; но какое значение имеет созвучие и обстоятельства гения определяло его. Дворянство не имеет ни одного основания из куска хлеба: Вряд ли подстрекало гонение и вярда с родины. Дворянство не имеет ни одного основания, и не может. Сила душевного гения — при дворах и гений каменья».

Пушкин возразил, и Рылев ответил ему снова. Писано это датировано ноябром 1825 года. Оно последнее, написанное Рылевым на воле. Последнее и символично, звучащее, как завещание:

«...ты мастерски оправдывал свое чужество, ты тайдала бы давал для гения, а утвердил, что гений еще до подлучения твоего писания; но какое значение имеет созвучие и обстоятельства гения определяло его. Дворянство не имеет ни одного основания из куска хлеба: Вряд ли подстрекало гонение и вярда с родины. Дворянство не имеет ни одного основания, и не может. Сила душевного гения — при дворах и гений каменья».

Последнее письмо Рылева, написанное на воле... Пушкину.

Последнее стихотворение, написанное за последние дни до 14 декабря, — «Гражданин».

Одно из самых сильных, самых гражданских, самых тревожных.

Нет, не способен я в объятиях сластолюбия, в постыдной празднощности, в безделье своем в мледей И звать иль шипеть душой Поэт, иль мимолетно парадничать. Будь Это и Гражданин».

Стихотворением предвостыжить можно назвать «Гражданин».

Предвостыжие... Я представляю Рылеву накануне гибели, накануне смерщины...

Он был некрасив.

Он был прекрасен.

Узколицый, всегда бледный, с лицом «неправильным, продолговатым, он чаще не походил на героя. И был им».

Облик и душа часто бываю в противоречии между собой. Как страдал от своего невысокого роста Пушкин, и тем же образом чувствовал себя в сравнении со стройными щеголями в гусарских мундирах, блистательными хлыдами, с лиц которых много было писать античных героев. И тем же образом чувствовал себя в декабристском движении среди его вождей были лица, преисполненные подлинного благородства, высочайшего интеллекта, лица, как бы по протекции Рылева наступившие в мирным Гербом. Но прекращением все же стал Рылев.

Он был некрасив, но прекрасен, потому что весь он — и лицо его и неслыханная, неуместная, узколицая фигура — менялись, когда он говорил.

Отставив свои убеждения, Рылев был страстен. Энергичное слово соединилось в нем с твердым убеждением. Он не только был страстен, но страстен и холоден. В канун восстания, прекрасный в своем волеизъявлении, он сказал: «Тактика революции заключается в одном слове — «держай», и ежели ты не держишь, то ты не держишь, и не удержишь. Не удержишь, не удержишь, не удержишь». В этих словах нет азарта игрока. В них холодный расчет и понимание цены, которая может быть уплачена за восстановление истинно-истинного волеизъявления и волеизъявления востановленного восстания и решительного уничтожения царской фамилии. И это знает, как повернулся бы дело, если бы «диктатором» восстания выступил князь Трубецкой, который не вышел на Сенатскую площадь, а Кондратий Федорович Рылев, убежденность, настойчивость и последовательность которого сделали его главным и первым вождем декабристов.

События 14 декабря происходили стремительно, как во сне. Утром вставил Пушкиным он сдет к воротам Московского Императорского полков, в казармам Гвардейского экипажа. Потом направляется к Лейб-Гвардейским казармам, но по дороге останавливается у здания, откуда по оставшаяся рота вышла из казарм, отправляется на Сенатскую площадь.

Увидев, что на Сенатской площади раздор, он уходит отсюда задолго до расстрелов воставших и бесцельно бродит по Петербургу, потом возвращается домой, на Мойку. В 8 вечера его арестовывают. В половине двенадцатого он попадает в Николаевский замок.

Вот он друг против друга. Этого человека накануне Рылев предлагал убить. Накануне же он говорил: «Я уверен, что погибнем».

В половине двенадцатого он вошел к царю, через полчаса был отпущен на свободу. Он пишет к Рылеву письмо. Кажется, Рылев, Петровалолец крепости, признался в заговоре и назвал главных заговорщиков. В первом показании есть две четкие фразы: «Это общество есть побег и бегство, и я прошу одной милости — пощадить молодых людей, вовлеченных в общество. Что это? Слабость! Надежда на царскую милость! И да и нет. Однословное ответа быть не может. Называя главных заговорщиков, Рылев придерживался тактики, разработанной заранее: вожди должны принять всю вину на себя. Однако это было предостережение. Неудачно, потому что они не теряли надежды на высочайшую милость...

Последние месяцы его жизни проходят в одиночной камере. Смирившись с участью, он думает о спасении души. Неудачно. Кажется, человека нет, он уже распластан, хотя и жив. И вдруг коленипронесенный распрямляет плечи. На клееном полу

сте — бумага не было — он пишет Е. П. Оболенскому:

И плоть и кровь преграды. Вас будут гнать и предадут, Осмыслять и дерзостью босовать. Того же не стыдится сих целей. Коли ношу их за Отчину.

И эти за вас принести не может... Декабрист Цибриков обнаружил на торной оловянной тарелке последние рылевские стихи. Оттуда не покорные:

Торная мне в честь, не в уязву За дело правое я и ней И не стыдится сих целей. Коли ношу их за Отчину.

Легендой овеяна жуткая смерть Рылева. Вместе с четырьмя другими «главными преступниками» его должны были четвертовать. Верховный судья сумел заменить четвертование висельным.

Это было на рассвете 13 июля 1826 года. Царь не спал, а каждые четверть часа изыскивал в Царском Петровалоце отравлял фельдгегера. Висельники вели с Адмиралтейской стороны на ломовых извозчиках, а одна подвода где-то застряла. Казнь задерживалась. Царь возмущен.

Наконец декабристов ввели на помост. Рылев, «оборотившись к товарищам, сказал, сохраняя все присутствие духа: «Господа, надо отдать последний долг отцу. Он падал все на колени, глядя в небо, и крестился. Рылев один говорил — желал благоденствия России». Так сообщал чиновник, бывший при казни. Потом их вывели. Вытолкнули подставку изпод ног.

Вереки напригласил.

И тут произошло жуткое. Вереки не выдержали, и Рылев, Каховский и Муравьев упали. Торговые лавки с нарытиями, завезенные в веревки не оказались. Пришлось жалеть.

Говорят, в роковую минуту между двумя смертями Рылев крикнул отчаянно:

— И так скажу, что мне нитко не удавалось, даже и умереть!

Другие утверждали, что он сказал равнодушно: «Мне мало нашей казни — им надо еще триста!»

Третий свидетельствовал, что Рылев воскликнул:

— Подлый опричник, тиран! Дай же палачу твою азбучницу, чтоб нам не умереть в третий раз.

Вереки, наконец, ссысали Натяну. Висельники, завезенные в веревки. Их стало пятеро. И тотчас по знаку команданта из ворот высочил всадник. Фельдгегер мчался в Царское село утешить государя.

Только позже разобрались в причине неудачной казни. Оказалось, висельники декабристов в кандалах. Цепи висели только с мертвых.

Говорят, что после казни, беседа с Жуковским, царь крайне удивился поэтическому дару Рылева и промолвил такую фразу:

— Я желал, что не знал о том, что Рылев — талантливый поэт; мне еще недостаточно богаты талантами, чтобы терять их.

Царь лицемерит.

Наверное, улыбается про себя.

А в это время потрясенный Пушкин, вписав в рукопись висельнику с пятью ишемиками, вписал под него: «Я и бы мог как шут...»

Он думает о Рылеве и не знает, что пистолет Дантеса уже нацелен в него...

про ясное. Озеро. Поверхность зтакая, сияющая, без рябины. Полаков. Уточка. Ах, ё-буто, нет никакого на свете... как такое превращение времени!

Иные, впрочем, предпочитают не искупаться в воде, перематывая, подпускания, мерзкими английскими, со знонами, приспособлениями... Но от стужи это, тут, пуста. Простая, натуральная уточка ни с чем не сравнима.

Конечно, уточка нынче разная пошла. Ест и таняет: с молебным вроем бы. Лежа на мелководье заручивается. Но это тоже, тут, стуженный. Ходит, таняет, таняет рыбак по берегу, захватит, смежится, шеплет призывно и допустит.

Пускй утучит. Пустиня это. Механика. Не любит той пол Семенов. Погоу Семенов предпочитает изобилие простоящей утучи. Чтоб сидеть при ней часами можно, чтоб сидеть, а не разматывать и не мурлыкать по-пустому, потому что если крутить изнутри, то в голове оттого совершенные пустини и поощрения. И в мету той пустини оттого повторения предметов, как при простом утуче. А простая натуральная уточка... Ах, не-буто! Семенов мыслится. Хочешь — о человеке мыслится. Хочешь — о виродаино. О рыбах... хочешь — о рыбах. И ни в чем, конечно, нет тебе никакого запрета. То есть, конечно, есть запрет. Но от себя запрета. Об себя пол Семенов наложил запрет.

Обо всем пол Семенов пронинювание думал, обо всем являя особую сужденность и лишь об одном не всем являя сужденность — о Ний раз воспарится в вымах — черт не брат. Мироздание — это, мол, то-то и это, Замерзание, перематывание, морозное сияние хуки. Бог... Как до бога доходить, так и basta. Пугало не. Не скар дувать. А почему не скар дувать? В трепете перед богом восликан бы. А отряхнуться, впрочем, думал. Тихоходо. Мысленно одну ману-ману допустит утучи. Трусость утучи. А мысленно — какой это бог? Была ли это сомнамбула или иное что?

И после сам себе:

Заприн, пол Семенов. Остаётся не дойти про это думать.

И про иное думал. Батался могими про три предмета.

А кругом — предвето, конечно, неисчислимо предвето. И о ожидании предвето, свой разговор. О кандом предвето — разнохарактерное суждение. Да и верно: любой предмет, сияние, звать... Вроде вить червоточку дождяного своего поганьего. И тогдаш дуосторонне размышление о червоточке том.

Примед — откуда червяк есть? Из прели, из слизи, хмидя ли это есть организм или тоши какой-то адуальной наделен. Бог — дендан? Потом о червяке самом. Физиология. Дышит ли он спиной, или как там еще иначе. Неизвестно, впрочем, это. Существует это образование, тонкое — иника вроем бы. Не то что грудой, но и жиряной не наделен от природы. Но дошла ли эта наука или наука про это умалчивает — неизвестно, ё-буто, неизвестными, наме, мыслит. Не иначе как в мыслях познают могущество и сила человека...

Дальше — поверхностное суждение, примененное к рыбной ловле... Какой червяк рыбе требуется? А рыба требуется червяк густой, алоустый. Чтоб он есенескудно бордился, суини сам, вялся чтоб вокруг себя. На него, на густой, алоустый, как мушкетер, сию же минуту сбодится, в раж входят.

От примерно такое могущество, трехстороннее суждение о поганом червяке и танже о всём-одежде, напавшая с грандиозных вещей и мотая как гниущая, еле живущая мушкетер, мошкарый или сияние, карактерная.

От мысля танже было полу Семенов величайшее утверждение и восторг думе.

Но бог... Ах, таняма это сторона! Вялила все на воде! Вялила... Есть ли бог или нету его? Власть ли это? Вялила власть, то как же власть, что себя ни в какой мере не правит? Но:

Заприн, пол Семенов, basta!

И может быть, как бы помер человек, не думал про бога, но случилось незначительное происшествие. Стал после того пол сомневается в истинности существования бога. И не то чтобы сам пол Семенов дошел до этого путем своего дуостороннего мышления — какое там. Встретил, ё-буто, выстрица. С бабой был разговор. От разговора этого какой мере теперь не избавиться. Сомнения одного словом.

А пришел раз пол и озверу. Утру. Тикал танкая бабочка, Умироование... Присел пол Семенов на березу...

Про что же, — думает, — сегодня размышлять буду?

Вспомнил название. Плынула на него. Полюбовался его Чрезмерной красотой. Занимала лес.

Поивси, — сказала, — рыба большая, ловись и валяйся.

И от радости своего существования, от сладости тина засмеялся тихоходо.

Вдруг слышит свех отбавы. Смотрит пол: баба перед ним стоит. Не баба, впрочем, не мужичка, то есть, а заметко, что из горла:

А ты на нее, — подала пол, — что ей тутто приспичило?

А она смеется, а она тобой вертит.

Пи-пи-пи... А я, — говорит, — пол, учительница. В село назначена. Значит, будем вместе жить.

А пока гуляю, видишь ли. Люблю, мол, утучи. Ты кто, ии, и гуляете, — сказала тихому пол. Смеется.

А ты, говорит, — вы какой! Я про вас, про философа, кой-чего уже слышала, — подала пол. Ну, и проходите, мол, дальше.

И танже на него оствережение напало — удивительно даже. Человек он добрый, и люди удивительный, а тут неизвестно что. Предчувствие, что ли?

— Что, — говорит, — слышала?

— Да разное.

— Да того, что вы не смотрите, а вы сидите.

— Что, — говорит, — слышала? Мне зурор нету.

Публикации «Смены»

ВОПРОСЫ ПОДАРОК

Мих. ПОЩЕНКО

О черни, — о черни. О бога — о бога... И все со смешной она, с жидком. И все с амераси и с выкрутасами всякими.

Растерлся даже пол. Неожиданность — ест-таки. Больше все его слушала, а тут — не угарила. ДУСКУСА!

Черниво? И чернивай ващей не верю. Выражаю недоверие. Пустиня это. Идолопоклонство... Бог? И бог নেту. Все есть органическая химия.

Пол едва сказал хогт:

— Позовьте, мол, то есть как это бога নেту? То есть как это идолопоклонство?

А она:

— Чего, — говорит, — и хуны и аш... — говорит, — человек нынче, а риса ходит... Погорю это. А что до хуной, то и не хуны являю. Недомыслие. Бинадир впроду. Я, мол, впроду. Не смею. Смешно. Замокну как и плзичным. Иными, ризи иными, впроду, впроду, впроду, впроду, впроду. Свечи — смешно. Колокола — еще смешнее. По горю это, пол, для развитых людей!

И нечего там не задало, как то, что с легкостью таню неизмеримой загипна про бога; негу, дескать, Самовил утучи. Но, конечно, не смеется.

— То есть как же, — сказал пол, — сомневаясь?

И вдруг поняв с инстинктом, что он и точно сомневается: пробог, конечно, о риде, о риде, о риде. Колонна да — неразборчивость. Не думал тогда бы и сомнению не было. Какого бы бог?

Почему? Природа, что ли? Существует? Гасинку пол мозгам. Хотел дуосторонне размыслить по примиче, а она опет:

— Идолопоклонство... Но... — говорит, — вот что. Если есть бог, то допустит, что он не существует, перед ним совершит, ат Допустит? Ответай, пол.

— Не знаю, — сказал пол, — Может, и не допустит... Ведяма ты... Вот кто ты. Уйди отсюда! Засмеялся.

— Подем, — говорит, — по, в чернов, а плочу кардинар являю.

Раскидал пол червяков. Удлилке бросил. Ни чего на это учительнице не сказал и пошел себе.

И сам не заметил, как пошел с великим сожалением. Точно: что за пустини! Ежели бог есть, почему он вполне само не проинт? Почему не разломан на месте светотягот? Что за причина не объявить себя так! Это перед червоточностью? А ведь тогда бы и сомнению не было. Какого бы бог поверил. А так... Моет, и точно, бога нету!.

Идолопоклонство.

И заболел пол с тех пор. Заболел сомнением. Не в какой-то сужденности, а в опет:

— Неизвестности. Матущу тоние извел до невозможности. Неформальный не стал.

Рыбу ли утучи? — «Ежели, — думает, — ери — был есть, Ежели не ери — нету»!

Плечат утучи, — думает, — а папа гладкоди. Бог есть кто куда, муарий хотя, о выисон предметов ловии выражается, а тут — с риды и она рвно всяка.

«Ежели, — думает, — сейчас муини пройдет — Ежели бы, — Ежели бы, — нету»!

Но всякие проговорила — и муини и баба, и все все сомнение.

И задумала Уж матущина прошение а уезд писать, да случилось такое: просветляя однажды пол. Присел он раз ясным, веселым думам, могит утуче.

Промчалась матущина.

«Ежели, — говорит, — про бога, матущина, это у меня точно, — сомнение. Не буду врать. Но емели есть бог, то должны он мне знаменые дать, что он точно существует. Имятущина досту, а негу, дескать, точно, существую, мол, и упраллю всеиной. Ежели ест, — что?»

— Пустиня это, — сказала матущина. — Чего тебе до бога? Мэгитущу... Ох, боюлю, пол.

— Как чего? — удивился пол. — Вопрос этот поднапряе у меня. Я поверю тогда. А иначе я и слышув не успевать не в состоянии. Моет, идолопоклонство это, матущина?

Промчалась матущина.

Стал с тех пор пол знаменые ждать. Оплет извелье, расстронрис, вовсе бросил себе забыться. Ходит как больной или в горьчико, во всякой динии сокровенный смех излет. Дверь ли продлинителее скрипит, или слышит, или слышит, или слышит ли муричанит — на все подозрение. Мало того: люди начинают встать. У муининой ответа проинте, бог или бога нету.

— Ну, — спрашивает, — брат, еси ли, по-твоemu, бог или бога нету?

Коситесь тана муинички. Хитрит, что ли, пол? Моет, танюо не знает. Имятущина досту, а негу, дескать, точно, существую, мол, и упраллю всеиной. Ежели ест, — что?»

И вошло обиданы до икраиних пределов — метатсье стал пол. Не в состоянии был домидаться знаменые. Ночью раз раскидался, восторг, горьсь.

— Что же это, — думает, — нету, значит, бог? Обман? Всю жизнь, значит, опеленит? Всю жизнь, значит, дурнотворно ходил. Ровно, ровно чужие, в облачении, нарядом маха... Бог это кому? Да! Нужно бог? Бог? Клоз бы Гле его знаменые? Таню от матущины и в черни пошел.

Затрис пол, спав с постели, вышел из дому утучи от матущины и в черни пошел.

«Плюну, — подала пол, — плюну в царские врата»!

Подавал так, устрасился своих мыслей, прыскал даже на курточке и в черни пополз.

Допоза пол до горевани.

— Если ты есть, бог, обруш на меня храм. Убей на месте»!

Подавал голову пол, смотрит — в черни, в боковом окне свет.

Потом обиняс пол, и земле прилынул, пополз на брюхе. Допоза. Храм открыт был. В храм были входи.

На лесике, над инойной чудотворца стоял пареный и лопином добрый рыну. Винзу стоил мужик — подбиривал лесенку.

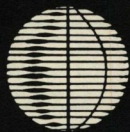
— Сволочи! — сказал пареный. — Риза-то, брат, именная! — истругованно золотая. Не стонт так лгать... И тут бога обманывают...

Пол приехал всею ночью в храм.

Вот тут по пол собрал муиничку, поклонился ни в пояс, раскрыв свою грудь мелким грешником и овещию немощными оборотами до зашлица. И стал с тех пор жить по-муинички.

1922 год.

Рисует Ольга ЛАТШИНА

ИЮНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1.

Священник Смит совершил в Калифорнии восхождение на вершину горы высотой четыре тысячи метров для того, чтобы подобным образом выразить свой протест против войны во Вьетнаме. Однако его методическая церковь, видимо, пропустила протест из виду, инвестировав недавно 60 миллионов долларов в военную промышленность. Значительные доходы от войны во Вьетнаме получает и протестантско-епископальная церковь, владеющая в своем составе крупных военных концернов на сумму около 30 миллионов долларов.

Впервые в США поднят знамя, за которым три крупнейших церкви — протестантская, католическая и иудейская — пытались скрыть свой капитал общей суммой около 22 миллиардов долларов, размещенный на американской финансовой бирже. Теперь церковь оказалась в положении соучастницы безответственных, аморальных действий концернов. Она предоставляет значительную финансовую поддержку военно-промышленному комплексу и войне во Вьетнаме. Иными словами, церковь помогает создавать и использовать оружие массового уничтожения людей.

К такому заключению пришло исследовательское отделение Национального церковного совета, в который входят 33 протестантских и православных американских церкви. В отчете говорится об инвестиционной политике 10 протестантских церквей, которые имели в 1971 году акции 29 крупнейших американских фирм, производящих оружие, на сумму 203 миллиона долларов. В «неудачном» 1970 финансовом году церкви получили только от дивидендов военной промышленности более 6 миллионов долларов. Хотя отчет основан на деятельности лишь 10 церквей, авторы его несколько не сомневаются, что говорят обо всей религиозной общественности в США. Кроме того, значение финансового соучастия не может измеряться суммой долларов — финансирование войны церковь в самой грубой форме изменяет своим идеалам и наперед ли может теперь выступать как ностальгический, рас пространитель и судья личной и общественной морали.

«ШПИГЕЛЬ», ФРГ

2.

В Пэлтинеасе, близости от города Гура Хужорулуй, вошел в строй завод угольного ангидрида с годовой производительностью около 4 тысяч тонн. Весь производственный процесс этого завода, целиком оснащенного оборудованием румынского производства, автоматизирован.

Своеобразие нового предприятия заключается в том факте, что в качестве сырья оно использует обычный... дым, улавливаемый от теплоэлектростанции, обслуживающей промышленную зону города Гура Хужорулуй, который до тех пор распылялся в атмосфере. Так что завод приносит двойную пользу: помимо производства угольного ангидрида, он очищает атмосферу.

«РУМЫНСКИЕ ГОРИЗОНТЫ»

3.

Американская академия фильмов наградила премией Оскара 83-летнего Чаплина.

Чарли Чаплин, классик киноискусства, уехал из США в 1952 году в период маккартизма, обвиненный в антиамериканизме, коммунизме и т. д. и т. п.

Только через двадцать лет вновь вступил великий режиссер и актер на американскую землю, чтобы принять специального Оскара за все свое творчество. Встречен Чаплин был с большими почтениями, и это говорит о том, что его столь долгое отсутствие было позором для Америки.

«ПЕРСПЕКТИВЫ», ПОЛЬША

4.

Небольшая американская компания намеревается произвести переворот в кирпичном производстве. Вместо традиционной глины специалисты фирмы предлагают использовать любые материалы — от отходов золотых присков до олова, раковин устриц и даже шлака, остающегося после сжигания мусора в высокотемпературных печах. И главное, при новом методе производства кирпичей и строительных блоков, названном «процессом Теч», не надо производить обжиг, необходимый при изготовлении глиняных и силикатных кирпичей. Более того, полученные новым методом брикеты абсолютно идентичны по размерам и форме в отличие от обычных кирпичей, форма которых и размеры изменяются под воздействием тепла. При «процессе Теч» рабочие просто загружают бункер материалами-наполнителями, добавляют немного воды, а также смесь весьма распространенных химических веществ и полученную массу тщательно размешивают. Затем масса подается в пресс, который выдает кирпичи или блоки. День сушки — и кирпичи готовы к употреблению.

В зависимости от характера материала-наполнителя на его долю приходится от 85 до 96 процентов состава кирпича. Остальное — цемент и лишь малая доля главного компонента — смеси химикатов, состав которой ком-

пания держит в секрете. По нынешним ценам в США компания оценивает себестоимость тысячи кирпичей «Теч» в 20 долларов и менее. Это на 8 долларов дешевле, чем сейчас обходится тысяча кирпичей из огнеупорной глины в районе Нью-Йорка.

В настоящее время на предприятии компании изготавливают кирпичи из самого разнообразного сырья, включая песок, мрамор, гипс, доломит, известняк, гранит, вулканический пепел, железную руду, коралл, асбест, слюду. Как ни странно, глина оказалась одним из немногих материалов, из которых по методу «Теч» трудно получить хорошие кирпичи. Мешает ее слишком мелкозернистая структура.

Однако самое большое преимущество нового метода в том, что он позволяет использовать различные отходы, которые имеются всюду и практически ничего не стоит.

«БИЗНЕС УИК», США

5.

Между селами Чачва и Кува в африканском государстве Бечуаналенд нет ни телефонной связи, ни автобусной линии. А расстояние между ними — 20 километров. Для пешеходов многовато. Вот почему жители селений решили проблему связи оригинальным способом. Они выдвинули струску, и он несет на длинной шее почтовую сумку с письмами. Необычный курьер, поднимая облака пыли, очень быстро курсирует между селениями. Ему доверять даже почтовые переводы, потому что никто не солгавает в честности птицы.

«ПОГЛЕД», ВОЛГАРИЯ

6.

В Генуе владелец крупной фармацевтической фабрики Карло Сириори захотел сфотографировать вирус желтухи. С этой целью он распорядился взять зондом пробы из печенки троих маленьких детей. Для того, чтобы вирус на фотографиях проявился отчетливо, детям дали медикаменты, которые уменьшают сопротивляемость организма. В Институте гигиены и в детской клинике университета в Ливне маленьким детям дали бутерброды с микробами, вызывающими желтушноклинические заболевания. В 1970 го-

Материалы перепечатываются с сокращениями или в изложении.

ду в Милане 89 здоровых новорожденных детей использовалась для экспериментов с нервным газом. Опыт понадобился для производства какой-то сверхсильной... мушкетера. Матери, разумеется, не было и понятия об эксперименте. 25 других женщин также не знали, для чего в палатах клиники была повешена мушкетера: оказалось, проводился эксперимент, involving целью установить, как отравля для насекомых выдыхает матерями и влиять на материнское молоко.

«Подобные случаи относятся криминальной области», заявил видный итальянский юрист профессор Даль Ора.— Если развинути по отношению к жизни отдельных людей означает прогресс, то этот прогресс по своему циклу напоминает тезисы, которые нацист Альфред Розенберг проповедовал в фашистской Германии.

Итальянские журналы «Европее», «Темпо» и другие, наравне специальное расследование, установили, что некоторые крупные западные фармацевтические предприятия специально ведут бесконтрольные клинические исследования в некоторых странах Латинской Америки, в Африке и в Италии. Когда опасный усталый эксперимент заканчивается, соответствующие данные направляются в Англию, США, ФРГ, и там уже научная работа продолжается с большей безостановочностью.

«Темпо» замечает: «без всякой пользы для диагноза и без фармакологического оправдания дети используются для рискованных опытов, которые часто имеют единственной целью произвести на медицинских конгрессах впечатлительные интересные данные».

Нынешнему скандалу предшествовал другой, тоже касающийся детей. Около трехсот детских домов в Риме были закрыты полицией из-за жестокого обращения с детьми, плохого питания и абсолютно неудовлетворительных гигиенических условий.

«ШТЕРН», ФРГ

Итальянские журналы «Европее», «Темпо» и другие, наравне специальное расследование, установили, что некоторые крупные западные фармацевтические предприятия специально ведут бесконтрольные клинические исследования в некоторых странах Латинской Америки, в Африке и в Италии. Когда опасный усталый эксперимент заканчивается, соответствующие данные направляются в Англию, США, ФРГ, и там уже научная работа продолжается с большей безостановочностью.

«Темпо» замечает: «без всякой пользы для диагноза и без фармакологического оправдания дети используются для рискованных опытов, которые часто имеют единственной целью произвести на медицинских конгрессах впечатлительные интересные данные».

Нынешнему скандалу предшествовал другой, тоже касающийся детей. Около трехсот детских домов в Риме были закрыты полицией из-за жестокого обращения с детьми, плохого питания и абсолютно неудовлетворительных гигиенических условий.

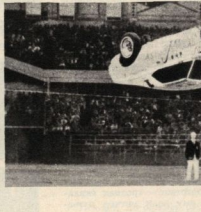
7.

Когда уже мало волнует не только искусство, но и самые острые спорные вопросы, тогда все публике человек заискивает от того, насколько богат риском тот или иной аттракцион, тогда и рождаются затеи, подобные той, которую вы видите на снимках из американского журнала «Моторс».

Профессиональный шофер Чик Гальяно в погоне за долларом прудил трюк, который называл «спиралью смерти». Перед нагими трибунами устанавливал своеобразный трамплин, который должен не только подкинуть машину, но и заставить ее перевернуться так, чтобы она, вышп прощая воздух над трассой, приземлилась на колеса.

При первой пробе все прошло, как и предполагал лихой шофер, но уже при попытке повторить трюк что-то не сработало в механизме перетопа, машина приземлилась на крышу. Лишь благодаря счастливой случайности водитель остался жив. Тем не менее отказали от заманчивой идеи трамплин подработать Гальяно — сейчас Гальяно готовит новую машину.

«МОТОРС», США

8.

Женщина с ребенком на руках просит милостыню на улицах Рима — обычная картина из повседневной жизни итальянского столичника. Никто из подвизавшихся милостыню, однако, не догадывается, что эта нищая — «работница» самой богатой монахини в мире.

«Мать Евгения», в миру известная как Забавата Ровали, была двенадцать лет назад изгнана из монашеского ордена. Тогда-то ей и пришла идея основать собственное католическое общество, члены которого в своих скитаниях по всей Италии уже выпросили своей «работодательнице» более двух миллионов лир. Монахини и сироты отдадут большую часть подаяний «матери патронессе». На эти деньги она купила роскошную виллу в Риме. При подсчете дневной заручки существовала строгий закон — съедать не менее 10 тысяч ирреджоне. Тех, кто не выполнял нормы, строго наказывали. Несмотря на все испытания, «работница» хранила тайну целых двенадцать лет.

Только сейчас несколько иниценок набрались смелости и обратились к прокурору. Псевдомонахиня арестована и скоро предстанет перед судом по обвинению в мошенничестве и истязании людей.

«БУНТЕ ИЛЛОСТРИРТЕ», ФРГ

9.

Группа врожденных спелеологов обнаружена в известных неандертальских пещерах (Сульты) ряды залы неандертальского размера. Высота одного из них — свыше десяти этажей. Поражает величине и разнообразию форм. Местоположение из статалитов достигает тридцатиметровой высоты. В пещерах обнаружено также огромное количество микробных ледяного периода, найденные статалиты состоят из тридцати тысяч скелетов.

Обнаружены также следы пещерного человека. Находки представляю большую научную ценность.

«ПОЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Жители Гаити — одной из самых бедных стран мира — вынуждены прибегнуть к особому виду торговли, они продают свою кровь в Соединенные Штаты. Каждый день более трехсот человек выстраиваются в очередь перед входом в двухэтажное здание на улице Рампел в одном из самых бедных кварталов Порт-о-Пренса. Доноры поднимаются в помещение компании «Гемо карбин оф Гаити», делают свое дело и выводят тремя долларами в кармане. Два раза в месяц 2 500 литров плазмы прибывают в Соединенные Штаты, где она превращается в гамма-глобулин, альбумин и другие продукты фармацевтической промышленности.

Кто стоит за этой торговой кровью бедняков, который, как считает директор компании Вернер Тиль, приносит 2 400—3 000 итальянских лир чистого дохода на литр плазмы? Компания «Гемо карбин оф Гаити» принадлежит Джозефу Горинштейну. Бышему биржевому маклеру в Мадриде. Отвечая на вопрос одного журналиста, он назвал собственную инициативу «многоконтинентальной» (Соединенные Штаты нуждаются все в большем количестве крови вследствие войны в Индокитае), а обвинения в том, что он извлекает незаконные прибыли из несчастных и бедности гаитян, «абсурдными». Горинштейн не смог бы основать свое предприятие без помощи местных властей и прежде всего Луиса Камброна, министра внутренних дел и национальной обороны во времена диктатуры Франсуа Дувале.

Позволят ли сын и наследник Дувале, Жюан-Клод, который стремится улучшить представление о своей стране за границей, спокойно продолжаться этой необычной торговле? Более вероятно, что она будет приостановлена. Американский общественный мнением: на острове нередки заразные болезни, а компания не особенно придрочива — только 1—2 процента

доноров «брукуются» после poorнорного медицинского осмотра.

«ПАНОРАМА», ИТАЛИЯ

1.

Парадоксально: «День хлеба» возник в стране, где не традиция, а рис составляет по традиции основную пищу. В Токио уже несколько лет отмечается этот праздник, во время которого пекари, соревнуясь между собой, предлагают покупателям самые разнообразные виды хлеба продукции. Кажется, ничто не является для японцев, изменивших в этот день своей «хлебной» более экзотичным, чем французское изделие. «France roll», выпекаемое в самых необыкновенных формах. В «День хлеба» каждый покупатель может поздравить в качестве подарка столько хлеба, сколько он в состоянии... откусить.

«ФАКЛАРА», РУМЫНИЯ

12.

Самые северные обезьяны — разновидность красной макаки, — которые обитают в Японии на полуострове Сикоку, столетиями живут в самых суровых условиях. Они довольно умны, способны выжить в условиях, которые для человека являются смертельными. Самки могут в охр двухметровый слой снега и единственно пищу, целая семья обезьяны составляют кора деревьев и сосновые ветви. Для того, чтобы справиться от беспощадных морозов, обезьяны часто вынуждены принимать действия. Самки могут выдвигать не только способность выживать в условиях, но и их «человеческие» поведения. Самки могут есть, а для того, чтобы отделить зерно от песка, бросают его в воду. Песок оседает, а всплывшие на поверхность зерна собираются обезьянами.

Они принимают даже к людям, но в их несчастью, именно люди решили лишить обезьян свободы. Японское правительство неоднократно пыталось выловить всех обезьян и распылить их в зоопарки. Многие численные протесты ученых пока остались без результата, так как правительство все равно настаивает на том, что в Японии нет места для обезьян, а лес, которые они видят, — это лес, который необходимо вырубить и превратить в рисовые поля.

«ОРБИТА», БОЛГАРИЯ

С чего начинается человек? Конечно, с гигантского вихря наследственной информации, полущенной в виде первого толчка от мамы и папы. Тут расписано все: и формы, и окраска, и блеск глаз, и цвет волос, и группа крови, и х сожалею, иногда наследственные болезни.

Весь этот каталог гетайел и квестов будущего человека упакован в невероятно малый объем яднцеллекулы, напоминающую горошину диаметром в одну сотую долю миллиметра!

Природа знает единственно возможный путь — составление длинной телеграммы наследственности из молекулы и их комбинации!

Все живое на Земле состоит из молекулярных частей — клеток. Описан упрощенная схема клетки выглядят так: оболочка, заполненная протоплазмой, а в ней ядро. Для нас сейчас наиболее интересно ядро, так как именно в нем находится тайна жизни с информацией. Живой организм, как это ни удивительно, возникает в результате «снятия микроскопических копий» с одной (только одной!) исходной, микроскопически малой оплодотворенной клетки. Этот процесс идет с невероятной быстротой: исходная клетка делится на две, эти две дают четыре, четыре — восемь, восемь — шестнадцать и т. д. Так почти из ничего возникает реальный организм. Средство этого процесса размножения клеток человек может легко подсчитать сам: одна исходная клетка при оплодотворении и 26 триллионов (26 миллионов миллионов) клеток в организме новорожденного.

На определенной стадии деления клеток в их ядрах появляются окрашенные нуклеокобразные тела, которые названы хромосомами. Они в ядрах каждой клетки. Число их для каждого вида постоянно. У человека 46 хромосом, комбинированных между собой 6, а у сазана насчитывается 104.

Было установлено, что наследственная информация как бы разделена на отдельные участки — гены, которые контролируют развитие отдельных признаков и особенностей в живом организме. Самы гены расположены именно в хромосоме. Хромосома состоит из молекулы дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК). Именно эту кислоту избрала природа в качестве хранилища и переносчика генетической информации. Почему именно ДНК?

Секрет заключен в поразительной способности ДНК к удвоению. При наличии специфических белков — ферментов происходит снятие копии с каждой из этих ее молекул.

При делении клеток водорезные связи, соединяющие две спирали ДНК между собой, разрывающиеся, двойная спираль раскручивается, а в каждой из образовавшихся тут же строится новая — дополнительная. Совершается чудо: вместо одной образуются две новые двойные спирали молекул ДНК, абсолютно идентичные исходной. Эти, в свою очередь, разрываясь, образуют четыре новые идентичные спирали и так далее.

Как показывают расчеты, спираль ДНК раскручивается с бешеной скоростью — 10 тысяч оборотов в минуту. И это происходит, несмотря на то, что спираль сама тут же скручивается обратно в микроскопический клубок! До сих пор остается тайной источник сил, который дает сигнал к разрыву спиралей и снятию очередной точной ее копии.

Обобщая число комбинаций, из которых синтезируется все наше тело, получаем 20 миллиардов вариантов! Предполагим, что одна наследственная единица — ген — есть цепочка нуклеотидов длиной всего в 100 аминокислотных остатков каждая. Тогда возможное число различных вариантов такой цепочки составит 20¹⁰⁰, или приблизительно 10³⁰⁰. Это число — сверлигнт среди сверхлигнтных. Число боловых вариантов в триллион раз превышает число атомов (и не опечатак, именно атомов) во Вселенной! Это значит, что для живого существа, по-видимому, существует больше возможностей, чем когда-либо будет реализовано.

И второе. Дальнейшая эволюция живых существ идет по пути, который может привести к самым неожиданным ее формам.

Если нашу наследственную информацию записать на магнитную ленту, то по приближенной оценке ее длина составит десятки километров.

Вымест с тем, что магнитная лента имеет определенную спираль ДНК человека и вытянуть, то она будет иметь длину всего лишь около двух метров. Следовательно, природная упаковка информации в десятки тысяч раз больше компактна!

Иногда у меня спрашивают аспиранты: «Как найти теумт? Ведь Котельников, Шеннон уже все сделали в теории передачи сигналов? Ответ следует из нашего подсчета. Он показывает, насколько наша система связи примитивна и далеко отстоит от передачи наследственной информации.

Таким образом, вся живая материя от примитивного вируса до вершины творения природы — человек — это непрерывный процесс передачи наследственной информации, примером которой является рационально построенная система связи, обладающей невероятной точностью передачи информации, невероятной защищенностью от действия всевозможных помех, осуществляющей в невероятной малых габаритах.

Более того, язык этой системы универсален. С одной стороны, такая универсальность для миллионов видов котраасет. С другой бластисне подтверждает идею эволюционного происхождения всего живого от одного простейшего вида.

Жизнь любого человека может преустать как некую непрерывную цепь принятых тех или иных решений (решение не принимать никакого решения — тоже решение). Правда, далеко не все из них выполняются: часть отменяется, часть изменяется, а часть просто забывается.

Упрощенно процесс принятия решения можно представить как составление из ряда взаимосвязанных элементов (на нашей схеме это квадраты), в которые поступает (по стрелкам) информация из окружающей среды и из памяти человека, принимающего решение.

Предположим, что мы, читатели, проводите отпуском одним из лучших способов: небольшой группой совершаете восхождение на горушку вершину; а вы и есть руководитель этой группы.

Вы идете по острому гребню к вершине. На пути вырастает препятствие — громадная скальная банья (альпинисты ему даже меткое название — «жандарм»). Как его преодолеть?

Для принятия решения вы начинаете из всей разнообразной информации, которую получаете, выбирать ту, которая относится к решаемой задаче.

Браться жандарму в лоб очень трудно — это глупость, первый скалы. Нужно предпринять обходной маршрут, по там очень крутой скальной скале. А если не обойти, слезает здесь почти вертикальная скальная стена уходит на добрый километр вниз. Платформ для стрижки на ней не видно, но метрах в двухстах ниже есть длинная поляна, по которой, вероятно, можно обойти жандарма. Правда, попасть на нее, а главное, выбраться с нее на гребень, чертовски сложно.

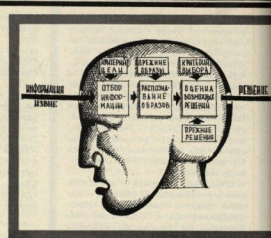
Итак, первый квадрат нашей схемы «сработал» — отбросил и подла внимание информации по вторую инстанцию. Второй квадрат должен систематизировать отобранную информацию и сопоставить ее с образами, хранимыми в памяти.

Самое удивительное в этом процессе — метод поиска. В памяти вычислительных или справочных электронных машин поиск нужной информации идет по адресу, если он известен, или методом перебора всей хранищейся в машине информации. А у человека не так. Миллионы лет эволюции мозга не пропал даром. Его память устроена неизмеримо совершеннее (несмотря на всемирно известный размер, чем у современных ЭВМ): она способна хранить информацию без участка мозга, соответствующего ячейке в ЭВМ, хранящей все сведения о данном вопросе.

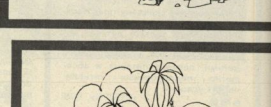
Так, неоднократно наблюдалось, что удаление из памяти человека (или животного) определенного участка информации не приводит к потере основной роли при отыскании информации в мозгу играют ассоциации. Это поиск идет одновременно по миллионам перекрестных цепей связей между отдельными нейронами, на основе ассоциаций, образованных при запоминании чего-то, что относится к этой теме. Такую память называют диффузной. Уже сделаны первые робкие попытки построить в памяти ЭВМ по ассоциативному принципу.

Только ассоциативным построением памяти можно объяснить еще одно ее поразительное свойство. В критических ситуациях, когда жизнь человека находится в опасности, в мозгу выработывается некий загадочный импульс, митовольта, который с памяти спасает яркое «карты» жизни. Являющийся «имел удовольствие» просмотреть свою телеграмму: один раз в сиэной ладной под названием «Мозг» (или «Земля») — «Мозг» — на скальной башне князя Аристаро на Тэн-Шань.

В первом случае спасла случайность, во втором — веревка и верная рука друга. Этот импульс воспринимается мозгом как сигнал к немедленному отбросу чужих ассоциаций, на основе ассоциаций, образованных при запоминании чего-то, что относится к этой теме. Такую память называют диффузной. Уже сделаны первые робкие попытки построить в памяти ЭВМ по ассоциативному принципу.

Николай ПЕТРОВИЧ, профессор, доктор технических наук

Рисунки Константина МОШКИНА

новенький трамвай, а мы, дурячие из 3 «б», обстреливаем его с четвертого этажа пистол чепуляками-невальняками, трамвай плачет слезными слезами... Делание совсем замерло, сердце остановилось, мозг выключился, время перестало существовать, и вот финал, вернувший меня к жизни — первый юношеский поцелуй и т. д.

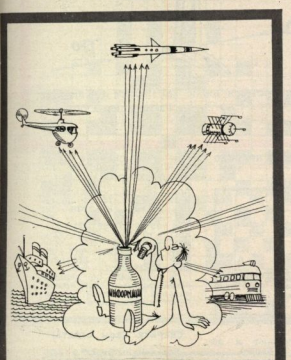
Но вернемся к нашим аналитикам... Руководитель группы, то есть вы, читатель, напряженно думает. Все, что вы видите, не дает ответа, как поступать именно этой жаждарму, именно в этой ситуации. Значит, надо самому оценить возможности. Вступает в действие третий квадрат схемы.

Но чтобы он заработал, то есть чтобы началось сравнение всех найденных нами решений, в него должен, во-первых, поступить по стрелке сверху

Вопросы

ИНФОРМАЦИЯ. ЧТО ЭТО?

критерий сравнения (спредолеть жандарм по самому легкому пути, позволившему организовать надужную стражовку—люди устали и возможны сырым—и все это осуществить до наступления темноты); во-вторых, по стрелке синку из глубин памяти должны всплыть результаты прежних решений (своих и чужих), уже примененных в подобных ситуациях. Тут влюб: тут две возможности—либо, двингвас, бить шлембуром десятка два дмр для крыючих и по ним нудт, либо пытаться карабкагся, используя только мошкие зацепки и редкие трещинки. Первое нам и оставившее время не осклгит, второе слишком рискованно.

Обход справа явно не подходит: лубка доброй сотни ступеней на крутой левоый стене потребует огромной траты сил, которые уже на исходе.

Обход слева тоже не дает выхода из положения: это почти то же, что путь в лоб, только плюс еще бедная под ногами. Правда, остается в этом варианте спуск на полку—обход по ней и потом подъем на гребень. Но он не прост.

Может снова избирать решения. Вы едите и еще раз напрягаете память, и вот она находит новую ассоциацию. Иногда лучший путь—стык лда и скала. Там между ладом и скалой можно заклипнуть ногу, руку или ледоруб, так легко зубовать в скалу. Но скала может застрелиться у скалы. Надежда рождает силы. Вы осторожно проводите разведку: все правильно, предположение подтвердилось. Из четырех вариантов вы выбираете этот.

Следующий важный вопрос, который нам надо решить: кому идти первым? Опыт вступают в действие три квадрата. Вот наши рассуждения. Нас четверо: А, Б, В и Г. Мы шам двумя связками—А и Б, В и Г. Возможны четыре варианта.

Вперед А: сильный альпинист, но иногда по молодости идет на несоразмерный риск.

Вперед Б: у него самый тяжелый рюкзаки, он устал больше других, может не хватить сил на обход жандарма (это вы читали).

Вперед В: это очень опытный, выносливый человек, но лобит скалы больше, чем А, и может увязь нас не тут.

Наконец, вперед Г: кажется, это то, что надо,—ходит с завесом прочности, в расцвете сил, «любит» и скалами и ладом одинаково хорошо. Итог, решение принято. Весь путь мысленно можно изобразить в виде «древа решения». За дель человек «вырывает» сотни тысяч больших и малых деревьев, делая лес, сам того не замечая. И первый его помощник в создании этих зеленых насаждений—память.

Человек, по одному из определений,—животное общественное. Это значит, что общение (обмен информацией) между отдельными людьми, между семьями, племенами, народами является характерной чертой человеческого общества. Вместе с развитием иншей цивилизации развивался и средства общения.

По одной гипотезе, наш обий с обезьянами предок—дропитекс—жил на деревьях, питался в основном растительной пищей и на опасную высоту редко спускался совсем редко. Миллионы лет жила он в лабиринте ветвей, и его организм отдалчно приспособился к этому древесному образу жизни. Акробатические прыжки с ветки на ветку, с дерева на дерево требовали не только ловкости, но и четкого зрения, расчета и быстроты ориентировки. Глаза, смотрящие у большинства животных в разные стороны, начали сближаться и смотреть вперед. Выработалось мозг и нервная система.

Уже тогда Дриопитекс понимал шаг коллектива и жил небольшими стадами. Обмен информацией в этом коллективе шел простейшими методами: ласковым или грубым прикосновением, мимикой и жесты и, наконец, некое количество несоразмерных звуков.

Но изменение условий в тропических лесах нарушило привычный образ жизни Дриопитекса. Климат стал холоднее, леса начали редеть, плоды и листья уже не хватало. В борьбе за существование часть «обиды» Дриопитексов опустылась на землю. Скорей всего это были жители «нижних этажей» зеленых обособок, где толстые ветви давали хорошую опору ногам и приучали двигаться почти вертикально—за ветви чудовых задних конечностей. Существовали на земле, они, естественно, сохраняли почти вертикальное положение тела (тем более что это давало больший обзор местности). А передние конечности остались почти не у дел, но суровая борьба за существование нашла им применение: вооруженные камнем или палкой, они стали эффективным средством добычи пищи и защиты от врагов. Остальное сделала тура.

Тура была коллективна и требовала общения, требовала передачи информации между отдельными особями. Прямасы и нечеловораздельные звуки были явно недостаточны. В конце концов на смену им пришла устная и письменная речь.

Во времена первобытного уловожения нами в одну фразу, зная много тысячелетий! Население земного шара быстро увеличилось. Появилась необходимость передачи информации на большие расстояния.

Что тут только не применялось: неутомимый бегущий коницей на локном скакуне несет срочное донесение, ищдней усложненной комбинацией кистор обьявляют войну соседнему племени (сейчас агрессор этим себя не затрудит), звук гигантского барабана прокатывает африканские джунгли.

Во всего этого было недостаточно. Жизнь требовала средств более быстрой передачи и большого обмена информацией. Революцию совершила электричество. Появился телеграф по проводам. Впервые открылась возможность в одностороннем направлении сообщать на большие расстояния, значительно превышающие пределы прямой видимости. Сначала это были условные знаки типа азбуки Морзе. Потом человеческий генич нашел способ срочной передачи буквенной тексты, не требующий расшифровки.

Следующим шагом было изобретение телефона. Появилась возможность поговорить с человеком, находящимся за тридевять земель от тебя. Сегодня это тривиально. А тогда, в середине XIX века, это было чудом. Тысячи людей стояли в Париже, чтобы убедиться в реальности этого.

Но очередное «но»: для телеграфной и телефонной связи нужны были дорогостоящие соединительные электрические линии—провода, кабели. Все точки земного шара не опутать проводами, а подложные объекты принципиально невозможно связать с землей и между собою проводом. Проблема оставалась нерешенной.

Новый неожиданный путь е решения принесла слова первой в мире телеграммы «Генрих Герц» передатчик и приемник в одной точке пространства в другую без всяких проводов. Это был известный физик Александр Степанович Попова 7 мая 1895 года.

Так появилась радиосвязь. Изобретение радио разорвало цепи, которые привязывали информацию к проводам и кабелям и давало ей свободу.

Но (это уже последнее «но») даже совместное использование широкой сети проводной связи и радиосвязи, имеющейся на нашей планете, не в состоянии удовлетворить непрерывно растущие потребности в передаче информации. Особенно остро эта проблема стоит там, где дальних связей. Здесь природа попутала над нами. Участок юва, который может нести информацию в любую точку планеты (это так называемые короткие волны), вмещает ее очень мало и не в любое время суток и год, обеспечивая малую частоту. Участок же юва, вмещающий гигантское количество информации (это ультракоротковолновый диапазон—УКВ), дает связь только в пределах видимости.

Выход из этого тупика принесла искусственные спутники Земли (ИСЗ).

Вот ИСЗ вылет парит над Землей, виден с большой территории, и с ним можно держать связь на УКВ. Если «разбросать» несколько таких ИСЗ вокруг земного шара, то они могут иметь связь друг с другом и с землей. Остается только свадить их радиотрансляции, и получится всемирная система связи, способная принципиально передавать огромную информацию из любой точки планеты в любую.

Одновременно эта система решает и вторую задачу: существенно снижает активность злых сил природы—помех. В УКВ-диапазоне их мало.

Сколько же надо ИСЗ, чтобы организовать всемирную связь?

Давайте нашу дорожную планету, комбальр радио челоуеческого, рассечем (конечно, только мысленно) пятисотой миллионной точкой по поверхности сферы пересечения этой плоскости с поверхностью земного шара образуют на ней окружность с радиусом, равным 6375 километрам. Теперь поставим южку циркуля в центр этой окружности и очертим в нашей плоскости окружность радиусом в 36 тысяч километров (это более шести радиусов Земли). Теперь расположим на этой окружности три равноудаленных друг от друга ИСЗ с периодом обращения, точно равным длине суток. Такие ИСЗ обладают поразительным свойством—они будут казаться земному наблюдателю неподвижно висщими в небе. И это несмотря на вращение Земли и движение спутника по своей орбите! Парадокс объясняется просто. Если земной шар повернется вокруг своей оси на определенный угол, то и ИСЗ прообразет этот же угол, но по своей кривой орбите. В результате он остается над той же точкой земного шара. Орбита получила название стационарной.

С каждого такого ИСЗ видна приблизительно одна треть всей поверхности земного шара. Следовательно, с трех равноудаленных ИСЗ будет видна вся поверхность Земли (вне этой зоны будут лишь небольшие участки у северного и южного полюсов). Остается повдуть радиотрансляции на эти ИСЗ и в границах видимости спутников на поверхности Земли—и глобальная система связи почти готова.

Такая система может творить чудеса: видеотелефон для миллионов одновременно радиовизионный, всемирное телевидение, всемирная радиобиблотека—трудно перечислить все.

Рисунок Феликса КУРИТСА

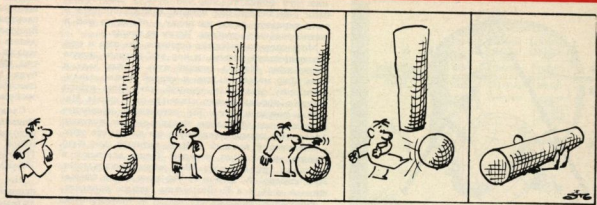

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

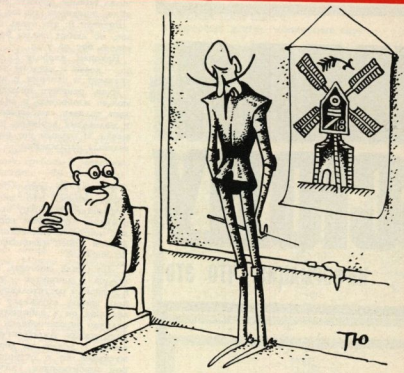
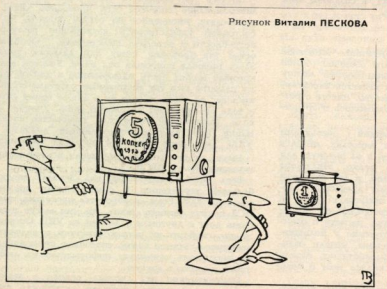

Рисунок Сергея ТЮНИНА

— А МАТЕРИАЛЬНУЮ ЧАСТЬ, Я ВИНКУ, ВЫ СОВСЕМ НЕ ЗНАЕТЕ.

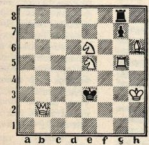
Шахматная Олимпиада

СМЕНЫ
(см. №№ 2, 3 и 6)
ЧЕТВЕРТЫЙ ТУР

Предлагаем внимательно читателям задания четвертого, предпоследнего тура нашей XV шахматной олимпиады. Запомните срок отправления писем в редакцию. «Смены» на этот тур — 31 июля (узнаем отдаленных районов страны разрешается, как и в предыдущих турах, присылать свои решения и комментарии месяцем позже).

ВОТ ТАК ЗАДАЧА!

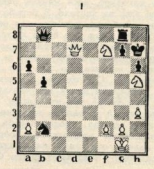
Белые начинают и дают мат в два хода (2 балла).

II
Белые — Кр1, Фб2, Ла6, Лг4, Сс2, Кд7, Кс7, пп. а3, б4, г3, г3, б4.

Черные — Кра4, Фб5, Лб8, Лс6, Сс7, Сд7, пп.а5, б3, с5, е3.

Белые начинают и дают мат в три хода (3 балла).

ИЗ ПРАКТИКИ

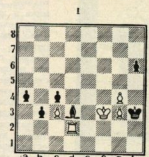

Имеется ли для белых путь к победе? (3 балла).

II
Белые — Крг2, Фс2, Ла7, Ле1, Сд5, Сг4, пп. б5, с4, с6, г3, б4.

Черные — Крф7, Фс7, Ле8, Лд8, Сс6, Кв8, пп. б6, с7, д6, ф5, б6.
Есть ли у белых форсированный выигрыш? (2 балла).

ЭТЮД — ВСЕГДА КРАСИВО

Белые начинают и делают ничью (3 балла).

II
Белые — Кра5, Лд1, Сг1, пп. а7, б5.

Черные — Кр7, Фг8, Св8, Кг8, а7.

Белые начинают и делают ничью (3 балла).

КОРРЕКТНЫ ЛИ БЫЛИ ЖЕРТВЫ?

1. е2—е4 е7—е5 2. Кг1—г3 Кв8—с6 3. Кв1—с3 Кв8—г6 4. Сг1—б5 Сг8—б4 5. 0—0 0—0 6. д2—д3 д7—д6 7. Сс1—г5 Сб4—с3 8. б2—с3 9. Кв6—д7 9. Кг3—б4

с7—с6 10. Сб5—с4 Сс8—с6 11. Сб5—г6 г7—г8 12. Сс4—е6 ф7—е6 13. Фд1—г4+ Кр8—г7 14. г2—г4 Лб1—г5 15. Фг4—б5+ Кр7—г7 16. ф4—е6—е5 17. Лг1—г6 Кр7—г6 16. Лд1—г1+ Кс7—г2 19. Кд4—г5 е6—ф5 20. Лг1—г5+ Кр7—е7 21. Фб5—г7+ Кр8—с5 23. Фг7—г7 Фд8—б6 24. Лг6—с6+ Фб6—с6 25. Фб7—б4х.

СВЕРЬТЕ СВОИ ОТВЕТЫ

Вот как выглядят в сокращенном виде решения позиций второго тура олимпиады, помещенные в «Смены».

ЗАДАЧА — I. Фб2—р6! Кс7—с5 2. Фб6—д8! Фд7—д8 3. Кг7—ф5х. Этуго: 1. Фс1—е2+ Крс4—д4 2. Фс2—с3+ Крд4—с4 3. Фс3—б3+ Крс4—д4 4. Кс4—с7! Фс7—б5. Фд3—с3+ Крс4—е4 5. Фс3—е3+ Крс4—ф5 7. Фс3—г3+ Крс5—г6 8. Фс3—ф5+ Крс6—г5 9. Сс8—б6! Из практики: е6! Сс8—е6 2. Фд1—н5+ г7—г6 3. Фг5—е5, и белые добиваются успеха.

ФЕДЕД

ШУТЛИВАЯ ПЕСНЯ

Слова Михаила ТАНИЧА
Музыка Бориса САВЕЛЬЕВА

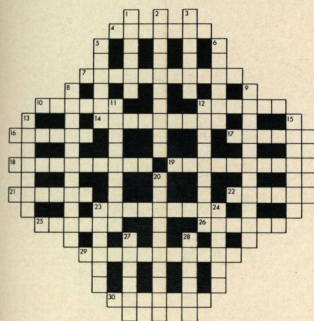
У меня беда со слухом —
Наступил медведь на ухо,
Отдавил мне ухо или два,
Я пою и не ручусь,
За мотня я не ручусь,
Я ручусь только за слова.

Я пою, а мне соседи
Говорят: «Потихе, Федя!»
И простору песне не дают.
Говорят мои соседи:
— В зоопарке есть медведи —
Все тебе придет передую!

Говорят мои соседи:
— Ты бы взял бы отпуск, Федя,
И ручья приличное купил,
И убил того медведя,
И убил того медведя,
Что тебе на ухо наступил.

Взяв ручья для интересу,
Я иду себе по лесу
И, конечно, песенку пою.
А медведя, словно юга,
До весны лежат на берлоге —
Ну, а я лежачего не бью!

ПОДБИРАЮ.

КРОССВОРД

Составил В. ФЕДЧЕНКО,
г. Москва

По горизонтали:

- Писатель, Герой Социалистического Труда. 7. Скульптурная часть литературного произведения. 10. Город Тульской области. 12. Сельскохозяйственное орудие. 14. Древнегреческий комедиограф. 16. Опера Ж. Бизе. 17. Командир, имеющий воинское звание. 18. Советская научная станция в Антарктиде. 19. Производственная практика. 21. Исполнитель самостоятельной партии в опере, хоре. 22. Искусственная хвойная смола. 23. Автоматический измерительный прибор. 25. Сорт гречневой крупы. 26. Материн, получаемый вулканизацией каучука. 29. Научная работа. 30. Машина, передающаяся по суше и по воде.

По вертикали:

- Состояние атмосферы в определенной местности. 2. Процесс образования и растения органического вещества под действием света. 3. Первый советский космический корабль. 5. Река в Восточной Сибири. 6. Спутник планеты Нептун. 8. Игрушка. 9. Совещание представителей общественных, научных организаций. 11. Мая остролиста. 12. Струнная жесть. 13. Лесодорожная машина. 17. Соединение карповых. 20. Предприятие, изготовляющее печатную продукцию. 23. Стариное орудие. 24. Неплахаемая земля. 27. Гравюра. 28. Басня И. А. Крылова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

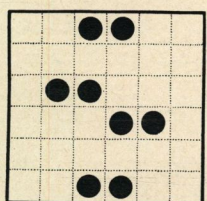
- Лобачевский. 9. Электродинамика. 12. Селен. 13. Магдала. 14. Омметр. 17. Картина. 18. Циркуль. 19. «Вородин». 20. Меркурий. 23. Лондон. 24. Колесот. 26. Лосось. 27. Ползунов. 28. Самара. 31. Самообразование. 32. Фальцетт.

По вертикали:

- Потина. 2. Меридиан. 3. Пикария. 5. Александровская. 6. «Арядина». 7. Огнатур. 8. Угольщитовая. 10. Ветонитосос. 11. Стратосфера. 15. Станция. 16. Срепер. 21. Коломбо. 22. Монолот. 25. Веласко. 29. Кобчин. 30. Карни.

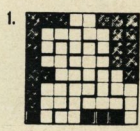
5
НА ДАТ
МЕНЕ
НЛЕ

1. На данном «картотеке», собирающем в 100 карточек (карты справа) так, чтобы каждая карточка была закрыта только одной карточкой.

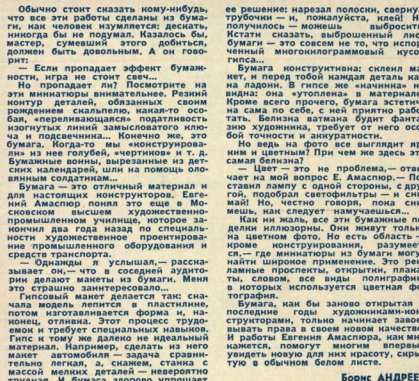
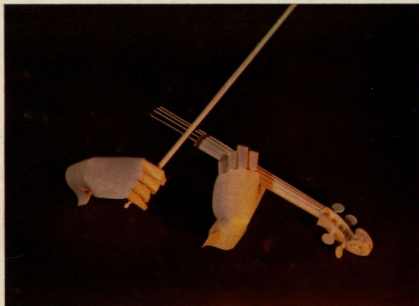
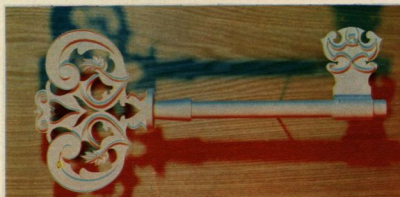
2. Из семи представленных отрезков можно полностью заполнить на фото три одинаковые фигуры. Какие это три отрезка? (Укажите номер отрезка.)

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧ
«СМЕНЫ» № 11

2. Ног равняется 60
1-3-6-8-5-9-8-7-8-7.

ПРЕВРАЩЕНИЯ БЕЛОГО ЛИСТА

Обычно стоит сказать кому-нибудь, что все эти работы сделаны из бумаги, или человек изумляется: дескать, никогда бы не подумал. Казалось бы, мастер, сумевший этого добиться, должен быть довольным. А он говорит:

— Если пропадает эффект бумажности, игра не стоит свеч... Но пропадает ли? Посмотрите на эти миниатюры внимательно. Разный контур деталей, обаянных своим рождением скальпелю, никак-то особая, «переливающаяся» податливость изогнутых линий замысловатого илюма и подсвечивания... Конечно же, это бумага. Когда-то мы «конструировали» из нее голубей, «чертиков» и т. д. Бумажные воины, вырезанные из детских календарей, шли на помощь оловянным солдатикам...

Бумага — это отличный материал и для настоящих конструкторов. Евгений Амаспюр понял это еще в Московском высшем художественно-промышленном училище, которое закончил два года назад по специальности художественное проектирование промышленного оборудования и средств транспорта.

— Однажды я услышал, — рассказывает он, — что в соседней аудитории делают макеты из бумаги. Меня это страшно заинтересовало...

Гипсовый макет делается так: сначала модель лепится в пластилине, потом изготавливается форма и, наконец, отливаются. Этот процесс трудоемкий и требует специальных навыков. Гипс и тому же далеко не идеальный материал. Например, сделать из него макет автомобиля — задача сравнительно легкая, а сделать, скажем, с массой мелких деталей — невероятно трудная. И бумага здорово упрощает

ее решение: нарезал полоски, свернул трубочки — и, пожалуйста, илей! Не получилось — жомешь — выбросишь. Истаети сказать, выброшенный лист бумаги — это совсем не то, что испорченный многоинструментальной кусок гипса...

Бумага конструктивна: слепил макет, и перед тобой мажидя деталь как на ладони. В гипсе же «начинка» не видна: она «употоплена» в материале. Кроме всего прочего, бумага эстетична сама по себе, с ней приятно работать. Белизна древесины будит фантазию художника, требует от него особой точности и аккуратности.

Но ведь на фото все выглядит ярким и цветным! При чем же здесь эта самая белизна?

— Цвет — это не проблема, — отвечает на мой вопрос Е. Амаспюр, — поставил лампу с одной стороны, с другой, подобрал светофильтры — и снимай! Но, честно говоря, лона сияешь, как следует «научаешься»...

Как ни жаль, все эти бумажные модели иллюзорны. Они живут только на цветном фото. Но есть область — кроме конструирования, разумеется, — где миниатюры из бумаги могут найти широкое применение. Это рекламные проспекты, открытки, плакаты, словом, все виды полиграфии, в которых используется цветная фотография.

Бумага, как бы заново открытая в последние годы художниками-конструкторами, только начинает завоевывать права в своем новом качестве. И работы Евгения Амаспюра, нам мне кажется, помогут многим впервые увидеть новую для них красоту, скрытую в обычной белой листе.

Борис АНДРЕЕВ